

М. А. ТИХАНОВА · Д. Б. ЛИХАЧЕВ

Р179429

**БОРОНА
ДРЕВНЕ-РУССКИХ
ГОР ОДО В**

О Р И З " Г О С П О Л И Т И З Д А Т
Л Е Н И Н Г Р А Д 1942

700012
М. А. ТИХАНОВА и Д. С. ЛИХАЧЕВ

ОБОРОНА
ДРЕВНЕ-РУССКИХ
ГОРОДОВ

67.671
ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1942

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД

Героически, самоотверженно борющийся с ордами гитлеровских палачей и нацистских великий русский народ и в прошлом, в течение многих веков, не менее самоотверженно и мужественно защищал свою родную землю от полчищ иноземных захватчиков. Столетиями вел он борьбу с кочевниками степи — печенегами, половцами, татаро-монголами — на востоке, с хищными захватчиками и насильниками — венграми, шведами и немцами — на западе, боролся за свою свободу и независимость с польскими и немецкими интервентами. И всегда подлинными героями, подлинными борцами за счастье и свободу своей родины — русской земли — выступали народные массы, городские ополчения, вербовавшиеся из «черного», «меньшого» люда. Опираясь на них, на сынов великого народа, сражались во главе этих народных ратей подлинные народные герои-богатыри Александр Невский, Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский.

Много славных страниц героического сопротивления более сильному, численно и технически лучше оснащенному врагу вписали в историю Руси древнерусские города. Кратко, лаконично, но выразительно и ярко рассказывает летопись о мужестве осажденного татаро-монголами Козельска, о гордой гибели Владимира, о замечательной воле к победе над врагами «матери городов русских» древнего Киева в его непрерывной борьбе со степняками. Величайшие примеры мужества, смелости, поразительной выносливости, стойкости и упорства оставили потомкам доблестные защитники Троицко-Сергиевского монастыря, выдержавшие почти 16-месячную осаду во много раз сильнее войска польских панов Сапег и Лисовского и не сдавшиеся врагам.

В этих тяжелых испытаниях, выпавших на долю русского народа в непрестанной борьбе с кочевниками степей, с немецкими насильниками, которые пытались захватить и поработить русские земли, задуть русскую культуру, в борьбе с татарским игом, которое «... не только давило, но оскорбляло и иссушало самую душу народа», ¹ ковалось единство русского народа, создавалось единое русское национальное государство. В этой борьбе народ отстаивал свою независимость, свою свободу и дорого отплатил насильникам за все вынесенные им муки и унижения. Русскую землю, Русь, с ее огромными богатствами, созданными трудом и талантом самого русского народа, с ее замечательной, веками слагавшейся культурой, с ее замечательными людьми — вот что защищал народ от лютых врагов родной земли.

Русскому народу было что защищать. Народ, породивший величайших гениев человечества, — Пушкина, Глинку, Чайковского, Толстого, Сурикова, Репина, Баженова, Воронихина, Павлова, давший миру гениальных вождей Ленина и Сталина, — этот народ в прошлом создал такие великие произведения мирового значения, как «Слово о полку Игореве», Софийский собор в Киеве, церковь Покрова на Нерли, художественные произведения Андрея Рублева, храм Василия Блаженного, непревзойденные по своему художественному вкусу и совершенству тончайшие произведения ювелирного мастерства, замечательные народные песни и былины.

Культура древней Руси, уходя своими корнями в далекое славянское и дославянское прошлое, слагалась и развивалась в своих наиболее совершенных формах в крупнейших городских центрах Среднего Поднепровья.

Высокое развитие, богатство и разнообразие культуры древней Руси и мощь древнерусского государства Киевской державы завоевали Руси прочную славу не только у ближайших соседей, но и в отдаленных государствах Западной Европы. Высоко ценят Русь современники-иностранцы и в то же время боятся ее. В их глазах — это не отсталая варварская страна, а сильное, могучее государство, которое по праву занимает место не только равное в ряду с другими европейскими странами, но и более почетное.

¹ К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века. Лондон 1890 г. (на английском языке).

Союза с Русью ищут могущественнейшие властители Европы — германский император и римский папа, породниться с киевским княжеским домом стремятся наиболее крупные государи Западной Европы. Велика слава Киева, этого — по отзывам современников — «украшения земли греческой», «соперника Константинополя», богатейшего города Европы.

Силой русского оружия, мужеством и храбростью русских воинов, совершенством изделий русских мастеров-ремесленников — вот чем славится Русь далеко за своими пределами. Русское ремесло и русский город не только не отстают в ту пору от западноевропейских, но стоят даже выше последних.

И в отношении образования и просвещения домонгольская Русь не только не отставала от своих соседей, но быстро перегоняла их. Киевские князья были образованнее своих западных собратьев. Так, например, любимый сын Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич, женатый на дочери византийского императора Константина Мономаха, прославленный воин, проживший бурную жизнь, полную борьбы с кочевниками и с соседними князьями, был высокообразованным человеком: «Изумеяше пять языков» — говорит о нем летописец.

Первый путешественник-европеец, посетивший около 1470 г. Индию, был русский — тверской купец Афанасий Никитин. Он сопровождал ответное посольство к ширваншаху Шемахи с торговыми целями. Тонко, умно и точно описывает Афанасий Никитин быт, нравы, занятия, фауну и флору Индии. Труд его не ниже трудов его западных современников, а в некоторых отношениях и выше: точнее описания, глубже и детальнее его наблюдения.

* * *

Скандинавы называли древнюю Русь «страной городов». Словом «град» в древней Руси именовались вообще все укрепленные поселения.

Пути возникновения древнерусских городов в собственном смысле слова, как ремесленно-торговых центров, многообразны. Нередко город вырастал из старого, в прошлом родового поселения. Иногда — это укрепленное убежище, куда стекались жители окрестных селений в минуты опасности. Наконец ядром будущего города мог стать княже-

ский или боярский замок, укрепленное жилище феодала, у стен которого располагались жилища ремесленников-холопов, избы и землянки княжьих и боярских людей — смердов, жилища дружинников. С развитием производительных сил, с ростом ремесла и торговли часть этих поселений превратилась в подлинные города — центры ремесленно-торговой жизни.

Большинство древнерусских городов располагались в особо выгодных в торговом отношении местах, на водных путях, на местах переправ и в стратегически важных пунктах — на высоких мысах рек и оврагов, с двух сторон защищенных естественными преградами.

В XI—XII вв. на Руси уже много городов с значительным ремесленным населением, крупным рынком, оживленной городской жизнью. Наибольшего развития достигают города Киевщины и Черниговщины: Киев, Чернигов, Переяславль. Но растут города и на западной и северной окраинах Руси — Смоленск, Полоцк, Новгород и Псков. Исключительно бурно развивалась городская жизнь и на юго-западных рубежах древней Руси — в Галицко-Волынской земле.

Основную массу городского населения составляли ремесленники. Наряду с ними в городе жило не мало купцов, в княжеских городах и сам князь и его дружина. Не мало там было и бедного — «черного», «меньшого» люда. Заметную долю в составе городского населения составляли церковники-монахи городских и подгородных монастырей и причт городских церквей.

Ремесло древней Руси, корнями уходящее в предшествующие века, достигает уже в X—XI вв. высокого мастерства. Русские мастера владеют всеми наиболее совершенными приемами современной им техники.

Особенно была развита металлообработка: литье из меди и серебра в каменных формах и в восковой модели,ковка и чеканка, тиснение на специальных матрицах, волочение проволоки, инкрустация, чернь.

Изумительно тонкого мастерства достигают древнерусские златокузнецы в изготовлении перегородчатых эмалей и в изделиях с чернью. Многочисленные клады, зарытые в годы грозных вражеских нашествий, свидетельствуют об исключительно высоком техническом мастерстве и тонком художественном вкусе древнерусских эмалиров.

Эти тончайшие изделия киевских мастеров прославили Русь далеко за ее пределами.

Большое распространение на внутреннем рынке имели изделия древнерусских гончаров. Изготавливали они не только посуду — простую и поливную (глазированную), но и кирпичи, и черепицу, и поливные плитки для настила полов, и изразцы, и детские игрушки.

Но особенно развито было строительное дело: плотники, древоделы, «огородники» ставили городские укрепления — «горотьбы», «рубилы города», строили городские жилища. пышно расцветает каменотесное дело. Начало его восходит еще к X в., а наибольшего расцвета достигает оно в XII—XIII вв., особенно на северо-востоке, во Владимиро-Суздальской земле, и на юго-западе, в Галицко-Волынской, в период наиболее интенсивного княжеского строительства.

Если в XI в. среди ремесленников основную массу составляли холопы — княжеские, боярские, монастырские, то уже в XI—XII вв. развивается и свободное ремесло. В источниках этого времени встречаются до 42 названий различных профессий ремесленников. Ремесленник работал не только на заказ, но и на рынок. В наиболее передовых городских центрах — в Новгороде и в городах Галицко-Волынской земли ремесленники были объединены в цеховых организациях, подобных тем, которые существовали в западноевропейских средневековых городах, — занятые одним ремеслом жили в одном месте, устраивали совместно пиры-«братчины», организовано выступали и в городских восстаниях (в Киеве в 1113 г. и в Новгороде — в 1209 г.). Активно участвовали они и в обороне своего города против грабительских нападений немцев, литовцев, шведов, татар.

* * *

Как правило, древнерусский город состоял из двух частей: «детинца» — внутреннего города, где находился княжеский двор и жили городские светские и церковные власти, и «внешнего» города — посадов и слобод; здесь жило ремесленно-торговое население. Вокруг города, под городскими стенами располагалось «предгордие» — поселения сельского люда, тяготевшего к городу. Некоторые из древнерусских городов (Новгород, Киев, Полоцк, Смо-

ленск) делились еще и на «концы». Так, в Новгороде уже в XI—XII вв. известно 5 концов: Неревский, Славенский, Людн (впоследствии Гончарский), Плотницкий, Загородский. В Киеве летопись указывает только один — Козырев конец. Концы представляли собою определенные районы города, управлявшиеся кончанскими старостами. Известны и более дробные деления: «улицы», поселки. Одним из важнейших признаков организации населения внутри города являлось территориальное объединение по профессиональному признаку: так, кожемяки обычно жили у воды, кузнецы — у ворот города, гончары — при оврагах.

Особые участки города занимали нередко иноземцы — евреи, хазары — в Киеве и Смоленске.

Общественно-политическим центром города был «торг», «торговище», рыночная площадь города. Там собиралось вече.

Внешний облик древнерусского города, как и всякого средневекового города, чрезвычайно своеобразен. Роскошь, богатство и совершенство монументальных построек, великолепных каменных храмов, которыми справедливо мог бы гордиться сам Константинополь — крупнейший город мира в средние века, — с одной стороны, и бедность, убожество, примитивность жилищ бедного городского люда — с другой. Даже в наиболее крупных городах, не исключая и самой великолепной столицы державы Рюриковичей — стольного Киева, каменными были только храмы, иногда княжеские дворцы и позднее крепостные стены. По соседству с пышными княжескими дворцами и в непосредственной близости к блистающим золотом своих куполов церквам, в самом центре города, ютились жалкие землянки княжеских ремесленников. Хоромы дружинников и бояр — феодальной знати — резко отличались от жалких лачуг «меньшого люда». Вместе с хозяйственными постройками, окружающими самое жилье, они представляли собою усадьбу, иногда даже укрепленную деревянным тыном с башнями. Заметное место принадлежало в городе монастырским усадьбам с их многочисленными хозяйственными постройками и жилыми корпусами — «келлиями» монахов и монастырских слуг. Располагались они обычно в «предгородии», хотя некоторые из них находились и в самом городе — в детинце.

Древнерусский город был не только ремесленно-торговым центром, но и укрепленным пунктом, крепостью. В ус-

ловнях непрерывных феодальных войн — княжеских усобиц, постоянных осад и нападений соседних князей, а также постоянных угроз нашествий со стороны иноземных захватчиков город защищался прежде всего своими крепкими стенами.

Город имел обычно двойную линию укреплений: первая опоясывала центральную часть — детинец, вторая охватывала весь город, включая посад, и состояла из земляного вала с частоколом из дубовых кольев (тын). Простой тын, так называемый стоячий или «косой», делался из плотно пригнанных друг к другу заостренных дубовых кольев (так называемых острог). Снаружи «огород» или «столпие» — это ограда из горизонтальных бревен в стояках. Но была и более сложная система (таковы, например, крепостные стены Чернигова, Владимира, Новгорода, Вышгорода, Путивля, Белгорода и др.). Основу стены составляли «городки» — деревянные срубы, загруженные необожженным кирпичом или глиной; сверху они засыпались землей и обкладывались дерном. По гребню вала шел стоячий тын или частокол. Вдоль стен, несколько выступавшие за их линию, строились башни — «вежи». Главные ворота укреплялись обычно особенно сильно. Снаружи, с внешней стороны вала, ставили «надолбы», вертикально поставленные короткие обрубки дерева. Вал перерезался в нескольких местах воротами. Так, в Киеве летопись называет несколько ворот: Львовские (шедшие в город с северной стороны), Лядские (с южной), Угорские и Золотые (с западной). От последних уцелели остатки двух параллельно поставленных каменных стен, перекрытых сводом. Название свое они получили, вероятно, не только в связи с тем, что поставлены были в подражание знаменитым Золотым воротам Константинополя, но и потому, что воротное полотнище их было оковано позолоченной медью. Золотые ворота, сохранившиеся до наших дней, хотя и в перестроенном виде, были и во Владимире.

В некоторых отношениях древнерусские города опередили современные им города Европы. В то время как на Западе первые мостовые появляются лишь в самом конце XII в., в Новгороде мостили улицы уже в XI в. Существовала и канализация — водосточные трубы, проложенные вдоль улиц, — благоустройство, также неизвестное в то время на Западе, где все нечистоты сваливались непосредственно на улицу, загрязняли ее и служили источником

постоянных эпидемий — бедствия, о котором постоянно говорят современники.

В конце XII—XIII вв. в больших городах укрепления представляли из себя мощные сооружения. В Новгороде еще в XI в. (1044 г.) старый деревянный детинец был сменен каменным с несколькими башнями и глубоким рвом, наполненным водою. Стены детинца складывались из валунов на известковом растворе и с облицовкой из серого известняка. В XII в. была построена вторая линия укреплений — земляной вал с деревянной стеной и рвом; в особое кольцо замкнулась и Торговая сторона. Тогда же воздвигается каменная стена в Старой Ладоге — северном форпосте древнего Новгорода, постоянно принимающем на себя удары шведов. Рано обносится каменными стенами и Псков.

В центре, на юге и северо-востоке попрежнему применялись только земля и дерево, но и эти укрепления значительно усиливаются; возводятся более мощные земляные валы, углубляются и расширяются рвы; кольцом стен охватывается и посад — расширяется сама линия обороны (в Полоцке, Смоленске, Чернигове, Переяславле, Владимире). Во Владимире в 30-х годах XIII в. при князе Всеволоде Большое Гнездо строится каменный детинец.

Вплоть до начала применения огнестрельного оружия крепостные стены должны были выдерживать лишь удары камней, бросаемых камнеметательными орудиями, так называемыми «пороками», и потому были относительно небольшой толщины (не более 1 м. в верхних частях) с широкими зубцами (около 3 м. шириной, как, например, в Порховской крепости, построенной в 1387 г.).

Приступая к осаде города, осаждавшие «отыкивали» город или ставили «острог» (так летопись рассказывает о подготовке осады татаро-монголами Владимира, Старой Рязани, Киева). Затем начиналась самая осада — тяжелыми стенобитными орудиями «пороками». Это были действовавшие с помощью противовеса или натягиваемые канатом огромные рычаги, метавшие камни, от ударов которых рушились деревянные и даже каменные стены.

Наряду с укрепленными городами строились и специальные крепости. Так, еще при Владимире, для защиты от набегов степняков-кочевников, началось сооружение сложной системы укреплений — городов-крепостей и огромных земляных валов, высотой до 6—8 м. и шириной в 16—17 м.

Эта огромная оборонительная линия, получившая в народе сохранившееся до наших дней название Змиевых валов, защищала подступы к Киеву и тянулась вдоль рек Виты, Стугны, Красной. По Десне, Осетру, Трубежу, Суле и Стугне воздвигнуты были на сравнительно небольших расстояниях друг от друга города-крепости с сильными гарнизонами. Важнейшие из них — Белгород, имевший исключительное стратегическое значение, — главнейший форпост Киева, на севере — Вышгород, на юго-востоке — у слияния рек Альты и Трубежа — Переяславль.

Позднее строятся крепости и в Черниговской и Рязанской земле, восточной «украине», пограничной с половецкими степями.

В XII—XIII вв., в условиях феодальной раздробленности, когда каждое княжество замкнулось в самом себе, изменилась и система укреплений. Вместо старых оборонительных линий, ограждавших от врагов со стороны «поля» — степей всю землю русскую, сильные крепости с целой сетью более мелких укреплений стали строиться на рубежах каждого княжества в отдельности.

С ростом новых «стольных» городов княжеств стали терять свое значение старые города. Значительно усиливается в этот период роль веча. В случаях военной опасности, особенно в грозные дни больших половецких набегов, нашествия татар или ненавистных немецких рыцарей, на вече выступают широкие народные массы, которые часто властно диктовали свою волю самим князьям.

В то время как князья, занятые своей враждой, борьбой за земли, за власть, забывали о защите родной земли и неспособны были объединить свои силы для отпора врагу даже на поле боя, — народ подымался на защиту своей земли, отстаивал свою свободу. Борьбу со степняками, с печенегам, половцами, татаро-монголами и немцами вынесли на своих плечах сами народные массы. Именно городские ополчения нередко играли решающую роль в исходе той или иной битвы и даже если она решалась в пользу врага, — наносили ему тяжелые удары.

Смелость, мужество, отвага и упорство русских воинов, предпочитающих смерть позору неволи, прославлены в веках. Еще на заре существования древней Руси в знаменитых походах на Дунай Святослава отвага и стойкость русских в схватках с врагом вызывали удивление византийцев; они отмечают также военное искусство русских —

впезальность их нападения, напористость, умение использовать местность, быстро усвоить военные приемы врага и применить их с большим искусством.

Уже при Святославе русское войско выступает в известной мере обученным и организованным.

Наряду с дружиной старшей (бояре, княжьи мужи) и младшей (детские, отроки — зависимые от князя люди) в составе древнерусского войска были и простые «вои». Набирались они главным образом из горожан, но иногда среди них были и смерды — крестьяне. Городские ополчения (основную массу их составляли купцы и ремесленники) составляли особые полки. В походах, и летом и зимой, переходы совершались почти исключительно в ночное время. За войском — тяжелой конницей из княжеской дружины и пехотой — городскими ополчениями — тянулись обозы. Они везли продовольствие, фураж, оружие. Последнее надевалось только перед самым боем — войска шли налегке, прокладывая мосты и гати. Войско сопровождалось охранением и разведкой — вперед высылались «сторожи», которые должны были захватывать «языка». Во время боя построение войска было следующим: в центре ставился головной полк — «чело», по бокам — «крылья», задачей которых было бить врага с флангов. Такой прием известен нам уже в Лиственской битве 1124 г., в битве 1174 г. под Киевом; его же применил Александр Невский для разгрома немцев на Чудском озере. Иногда войско строилось иначе — двумя эшелонами; впереди ставились два полка легкой конницы, которые прикрывали собою стоявшие сзади три полка пехоты. Так построил свое войско князь Игорь Святославич в походе против половцев.

Русское войско прибегало и к искусным тактическим приемам — устройству засад, ложному бегству, раскладывало костры, чтобы обмануть врага и навести его на ложный след.

Основным наступательным оружием древнерусских воинов были большой двухлезвийный меч, длинное, до 1,5—2 м., копье и боевой топорик небольших размеров. Большую роль играли в войске лучники, вооруженные большими луками со стрелами ромбовидной формы. Со временем меч становится легче и короче, им не только рубят, но и колют. Носили его в кожаных ножнах. В Среднем Поднепровье применялась также булава: бронзовый

шар, внутри залитый свинцом, снаружи имеющий острые выступы-шпы пирамидальной формы.

Оборонительным оружием служили: шлем, кольчуга и щит. Шлемы, плавно изогнутые, сильно вытянутые вверх и заканчивающиеся стержнем, имели не только дружинники, но и горожане. Кольчуги — их называли «бронями» — из железных колечек на Руси появляются на два века раньше, чем на Западе. Щиты — деревянные, окованные железом; в XIII в. они овальной и миндалевидной формы.

Но не оружие, которое мало чем отличалось от оружия как восточных, так и западных соседей Руси, а военное искусство, мужество и подлинный героизм русских воинов, их беззаветная любовь к родной земле, их великолепный боевой дух, умение ориентироваться и перенимать приемы врага и обращать их против него — вот что определило то, что Русь в течение многих веков могла бить своих врагов и наносить им сокрушительные удары. Недаром навеки запомнились немцам Чудское озеро и их разгром под Грюнвальдом и многие другие битвы позднейших веков. Навеки запомнят они и беспримерный героизм защитников славного Севастополя и грозную оборону великого города Ленина и проклянут тот день и час, когда Гитлер начал свою безумную войну против русского народа, против великого советского народа.

КИЕВ — МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ

Замечательная столица солнечной Советской Украины — прекрасный Киев, раскинувшийся на крутых обрывах на широком Днепре, зверски опустошенный и превращенный в груды развалин наглыми и озверелыми бандами гитлеровских убийц, является одним из самых старых культурных городов Европы.

В IX—X вв. Киев был уже крупным ремесленно-торговым центром, тесно связанным с Византией. Он широко известен в других странах. Знают его болгары, упоминается он в «Книге путей для познания государств» арабского писателя Аль-Джайхани. Знает Киев — Куябу, столицу государства Дира — и персидский писатель того же X в. — Аль-Истахри.

Город быстро растет в конце X в. при князе Владимире Святославиче.

Для защиты Киева от постоянных набегов степняков-печенегов возводится сложная, продуманная система укреплений — тройная линия обороны. В нее входят города, крепости, огромные валы с частоколом и рвами и естественная защита — реки. Тянущиеся вдоль всей границы стеней, эти оборонительные линии ограждают подступы к Киеву. Защищает Владимир свою землю и от вражеских нападений с запада. Здесь создается важный стратегический пункт на пути в Волынь и Галичину — защита подступов к Киеву от Польши и немцев — древний Белгород (ныне с. Белгородка) в 13 км. от Киева в западном направлении.

Но наибольшего блеска достигает Киев при сыне Владимира князе Ярославе Мудром (княжил с 1016 по 1054 г.). С его именем связано создание крупнейших памятников древней Руси — как в области строительства,

так и в области просвещения, литературы и политической жизни. В 1017—1037 гг. строится заслужившая мировую славу знаменитая киевская «митрополия» — храм Софии (не только церковный, но и культурный центр Киева). При ней создается первая на Руси школа, кладется начало русскому летописанию. Ярославову времени принадлежит и первая редакция Русской Правды — древнерусского свода законов. Быстро растет и сам город. Вобравший в себя значительное пространство, он обносится новыми каменными стенами. Остатком этих ярославовых укреплений являются сохранившиеся поныне, правда в руинах, Золотые ворота.

Именно в этот век наивысшего расцвета Киева-города его культурные богатства, его несметные сокровища, его широкие торговые связи, искусство мастеров-ремесленников, его международное положение вызывают изумление и восхищение иностранцев. «Это город с 8 торжищами и более чем с 400 церквами» — говорит о нем, несомненно преувеличивая масштабы Киева, крупнейший западный летописец-современник, крупный политический деятель тогдашней Германии — Титмар Мерзебургский. С Киевом вынуждена считаться сама Византия. Русской державы, ее быстрого роста и все увеличивающегося могущества начинают бояться; родства с великокняжеским домом помогают многие западные государи, другие же успели породниться: сам Ярослав женат на дочери шведского конуга Ингигерда, его дочери — жены могущественнейших государей Европы: Анна — французского короля Генриха I, Елизавета — короля Норвегии Гаральда Гардрада, Анастасия — венгерского короля; один из сыновей Ярослава Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха, сын Изяслав — на сестре польского короля Казимира, внучка Ярослава была замужем за германским императором Генрихом IV, внук Ярослава Владимир Мономах был женат на дочери английского короля Гаральда.

Великолепным памятником древнерусского зодчества является София Киевская с ее изумительными мозаиками, настенной фресковой росписью, мраморной облицовкой. Освобожденные от позднейших переделок, искажавших его, раскрылись первоначальные формы четырехстолпного храма с галлерейми и башнями, восстановились его стройные удлинённые пропорции. Обнаружены замечатель-

ные портреты семьи Ярослава — жены и трех дочерей — на южной стене и сыновей — на северной стене. Они составляли часть единой композиции — шествия княжеской семьи к центральной фигуре князя, которая была на западной стене. Фреска с изображением самого Ярослава приносящего в дар Христу модель построенного им храма вследствие неумелой, искажавшей основную конструкцию перестройки, утрачена навеки.

Не меньшую целостность представляет роспись стен северной башни Софии с ее светскими сценами. Тут же и великолепные образцы столь излюбленных в древней Руси изображений зверей. В создании храма несомненно участвовала целая группа первоклассных мастеров. Не последнее место в ней принадлежало и русским киевским мастерам. В киевских же мастерских изготовлялись и самые кубики разноцветной смальты (прозрачная стекловидная масса, сплавленная с различными металлическими окислами), из которых сложена мозаика.

Художественный ансамбль храма усиливается цветным ковром замечательного мозаичного пола, великолепием резных белых мраморов (парапеты на хорах, алтарная преграда, колонны, капители, солея и епископское кресло).

Неудивительно поэтому то восхищение, с которым говорят о храме Софии путешественники-иноземцы, видевшие его уже сильно пострадавшим от времени и разрушенным в XVI и XVII вв., — Верецинский (1595), Гейденштейн (1590), Павел Алеппский (1654). Они восторгаются его внутренней отделкой, блеском его мозаик, разнообразием цветов его мраморных колонн и капителей.

Один из крупнейших знатоков византийского искусства, которому принадлежит честь раскрытия замечательных мозаик и росписей константинопольской Айя-Софии, американский ученый Уитмор, посетивший в недавние годы Киев, ставит киевскую Софию выше ее византийского прообраза. София киевская не является простой копией или подражанием константинопольской Софии — отнюдь нет. Она претворяет в себе византийские образцы, византийское наследие в новый архитектурно-художественный образ. Это — подлинно русский памятник, в котором имеются черты, внесенные местной строительной и художественной традицией.

Во второй половине XI и первой половине XII вв., в условиях начавшихся феодальных усобиц и борьбы кня-

зей за киевский престол Киев продолжает, тем не менее, играть прежнюю роль политического и культурного центра Русской земли, продолжая расширяться, богатеть и украшаться. Растет и крепнет киевское ремесло и торговля, строятся новые храмы и княжеские «дворы», растут монастыри.

Попрежнему велики были в конце XI—XII вв. торговые связи Киева с Западом — с Чехией, Польшей и Регенсбургом.

В Киеве существовали и постоянные колонии западноевропейских купцов — генуэзцев, венецианцев из Каффы и Константинополя, немцев из Бреславаля. Приезжали в него многочисленные купцы с Востока и Запада. Не сразу утрачивает Киев свое значение даже и после разгрома его татаро-монголами батыевой орды в 1240 г.

Киев, Киевская земля и ее форпосты Черниговщина и Переяславщина первыми приняты на себя удары врагов — степняков-кочевников, печенегов. Впервые летопись упоминает о печенегах под 915 г. Первые столкновения с ними имели место в 920 г. Но настоящей грозой для Киева и Русской земли стали они, начиная с 70—80-х гг. X в., особенно при князе Владимире Святославиче. С этих пор набеги печенегов становятся постоянным бедствием, борьба с ними и организация этой борьбы — общенародным делом. Народные массы, больше всего страдавшие от их нашествий и непрерывных разорений, создали свои собственные методы борьбы, выступая против врага, нередко и вопреки воле князя и его дружины. Герои этой борьбы Русской земли со страшным врагом воспеваются народом в его былинах и песнях в образах сильных и могучих богатырей и прежде всего в образе старейшего и сильнейшего борца за землю Русскую — крестьянского сына Ильи Муромца. Народ нередко даже противопоставляет Илью князю Владимиру и его дружине, хотя сам князь строит для обороны своего государства, своей земли специальные оборонительные линии, ставит города — Белгород — на р. Припяти, Василев — на р. Стугне и др.

Героем одной из крупных побед над печенегами (993) на Трубеже явился молодой киевский ремесленник Кожемяка, одолевший в единоборстве печенежского великана. Щедро награжденный князем Владимиром, он становится приближенным князя, получает город Переяславль. Самое наи-

именование города связывается с легендой о единоборстве этого русского Давида, «перевявшего» славу печенежского Голиафа.

Однако именно мудрая политика Владимира, сумевшего организовать отпор врагам как путем объединения военных сил, так и постройкой сильных оборонительных сооружений — городов-крепостей с постоянным гарнизоном из представителей северных покоренных племен, остановила печенегов, заставила их свернуть на Дунай и обезопасила этим, правда, лишь на время, Русскую землю от степняков. К 1036 г. относится последняя попытка печенегов захватить Киев. Она закончилась их полным поражением: печенеги были отброшены Ярославом за Дунай. Если они и выступают впоследствии, то уже не как враги, а как подсобные войска в борьбе Русской земли с новыми ордами кочевников — узов-торков и куманов-половцев, господствовавших в степях в течение всей второй половины XI в.

Первое появление половцев относится к 1055 г. Первый набег половецкой орды хана Сокала в 1061 г. закончился их поражением. Но затем в 1068 г. русские были разбиты половцами. Особенно громили они Переяславщину.

В Днепровском Левобережье, которое подвергалось в первую очередь вторжениям степняков, разорениям и опустошениям, расположено большинство крупнейших городов древней Руси — форпостов Киева. Таковы прежде всего Чернигов и Переяславль, упоминаемые уже в первом договоре русских с греками.

Чернигов — крупный транзитный центр, главный город Северной земли, связывал Северскую и Киевскую землю с востоком — Доном и Волгой, с Азовским морем, Каспием и черноморским византийским югом. Свое значение как центра княжества и крупнейшего торгового города он сохранил и позднее. Как и другие города древней Руси, он состоял из «детинца» и «окольного» города. «Окольный град» был окружен валом и частоколом. С востока и с запада город защищали рр. Стрижен и Десна. В детинце, расположенном в самой возвышенной части города, находился княжеский двор и Спасо-Преображенский монастырь, заложенный в 1034 г. Этот монастырь, простоявший много веков и дошедший до нас не в развалинах, в настоящее время разгромлен гитлеровскими бандитами, варварски уничтожившими этот великолепный памятник

древнерусской культуры. Строитель собора — сын князя Владимира Святославича и брат Ярослава — Мстислав Храбрый Тмутараканский князь, славный воин, одержавший многие блестящие победы над степняками.

Переяславль у слияния рр. Альты и Трубежа, также впервые упоминаемый под 907 г., — главный город Переяславской земли, основной укрепленный форпост Киева в его борьбе со степью. Как собственно «город», так и «пригород» Переяславля хорошо укреплены. Укрепления города усиливались «Змиевыми» валами — «большим» и «малым». Во второй половине XI — начале XII в. Переяславская земля все более превращается в арену борьбы русских с половцами. Оплот борьбы против половцев — город становится неприступным, но окрестности его постоянно опустошались половцами.

На Северскую землю половцы нападали семь раз, на Черниговскую — три раза, на Киев и Рязань — четыре раза. Переяславская же земля подвергалась опустошениям девятнадцать раз.

Переяславская земля — одна из самых густо заселенных областей древней Руси. Помимо больших городов в ней множество более мелких городов и поселков по рекам и озерам. Правый берег Трубежа и Сулы усеян укрепленными поселениями; левый, низменный степной берег заселен значительно менее густо — население его часто укрывалось в лесах и болотах, вдоль берегов речек, отсиживалось там во время половецких нашествий.

В 1068 г. половецкие орды нанесли русским ратям тяжелое поражение. Спасаясь от половецких орд, в Киев бежали крестьяне окрестных сел. Великий князь киевский Изяслав отказывался защищать родную землю, отстаивать родной город. Киевляне — городские низы и сбегавшееся под защиту крепких киевских стен окрестное население — требуют у князя оружия, настаивают на продолжении сопротивления врагу. Князь отказался выдать оружие. Летописец рассказывает: «люди киевские прибегоша (после полного разгрома русских ратей на р. Альте) к Киеву и створише вече на торговище (на Подоле) и реша пославшееся ко князю: се половцы росуллилися (растеклись) по земли, да вдай, княже, оружия и кони и еще бьемся с ними. Изяслав же не сего не послуша». В городе вспыхивает восстание. Киевляне освобождают из темницы заточенного в ней

полоцкого князя Всеслава и провозглашают его киевским князем, громят дома киевского наместника. Изяслав бежал «в ляхи» и вскоре возвращается со своим шурном, королем Болеславом Смелым. Польский король не только захватывает Киев и помогает Изяславу вернуть отцовский престол, но сажает на покорм по русским селам и городам «ляхов». Разгневанный народ, измученный половецким разорением, изменой князя, грабежами польских захватчиков, начинает партизанскую войну — первую в истории нашей родины — тайно («отай») избивает ненавистных иноземных насильников. Движение принимает такие размеры, что Болеслав принужден уйти из Русской земли, забрав и своих «кормленщиков».

Но если Изяслав изменяет общерусскому делу, не оказывает сопротивления половцам и в трудную минуту бросает свою землю и бежит к Болеславу, то его брат, черниговский князь Святослав, с трехтысячным отрядом, в котором было и «земское» ополчение, выступает навстречу врагу. Еще 1 ноября 1068 г. на р. Сне он разбивает двенадцатитысячное войско половцев; одних убивает, других топит в реке и захватывает в плен самого половецкого хана.

У Святослава, победителя половцев, ищут защиты киевляне при наступлении на Киев с польской ратью изменника Изяслава, зовут именно его на отцовский престол: «если не захочешь пойти в град отца твоего, — говорят они, — то нам неволя (остается одно) зажечь город свой и уйти в Греческую землю», — т. е. не сдать город со всеми его богатствами врагу, а сжечь его, и самим, ввиду невозможности его отстоять, уйти.

Особенно грозными становятся половецкие нашествия в 80—90-х гг. того же столетия. Непрерывно громит половецкая орда хана Боняка Переяславщину и Киевщину. Образ «шелудивого», «безбожного» «хищника» хана Боняка настолько глубоко запечатлелся в народной памяти, что он превратился в какое-то сказочное олицетворение темной силы, в котором исторические черты исчезли почти полностью; в нем слились все народные представления о вековом враге русского народа.

Но если в конце XI в. усиливается натиск степняков, то нарастает и сопротивление Руси, стремление не только разбить врага в каждом отдельном случае, но и прекратить его набеги вообще, отбросить в глубь степей и оградить

Русскую землю от опасности постоянных, несущих гибель и разорение вторжений степняков. Народные массы готовы к борьбе; к ней же они призывают и князей: «почто вы распря имаше межю собой, а погани губят землю Русскую; последися уладита (после уладите ваши споры), а ныне пойдита против поганых, любо с миром, любо ратью». Киевское ополчение требует битвы с врагом во время совместного похода Святополка и Владимира Мономаха (1093) в противоположность их дружинам и боярству. Голос киевлян решил вопрос: русская рать перешла р. Стугну; за первым валом произошла битва, но недостаточны были силы русских: не учли они огромного превосходства врага и потерпели поражение. Страшному опустошению подверг разъяренный Боняк русские земли, зверски расправился он с осмелившимися выступить против него.

Летом 1096 г. снова наступает Боняк на Русь, осаждает 20 июля Киев, громит нижний город (на Подоле) и Печерский монастырь. В тот же год, однако, князь Святополк в битве с половцами на р. Трубеже одержал верх.

Походы Мономаха не только остановили дальнейшее наступление половцев на Русь, но отодвинули их от пределов Русской земли. Опираясь на молодшую дружину и горожан — купцов, ремесленников, на народ, используя городские ополчения, Владимир сумел на время прекратить и княжеские раздоры и объединить силы князей на отпор врагу. Стремясь не только разгромить половцев и уничтожить их живую силу, не только оборонить землю Русскую, но и самому перейти в наступление, Мономах в своих 83 походах против половцев сражается не только на Русской земле и ее рубежах; он вторгается в половецкие степи, громит врага в глубине его собственных владений. Уже в 1103 г. бегут половцы перед русскими полками; русские одерживают «великую победу»: убито 20 половецких князей, захвачено много пленных. «И придоша в Русь с полоном великим и с славою с победою великою».

Наиболее крупный поход предпринимает Владимир Мономах в 1111 г. (с участием князей Святополка и Давыда Святославича с их сыновьями) за Донец, в половецкие степи. Половцы дважды были разбиты. Слава об этом походе, говорит летописец, «прошла по всем странам дальним, к Греком, и Угром, и Ляхом, и Чехом, дондеже и до Рима проиде».

Мономах выступил представителем объединительных тенденций, поборником единства Русской земли, борцом за ее независимость и счастье. Мономаха прославляют как «доброго страдальца за землю русскую», он становится на долгие годы самым популярным русским князем. Позднее, в годы тяжелого татаро-монгольского ига, «Слово о погибели русской земли» вспоминает величие ее в век Мономаха, раздвинувшего пределы земли Русской и одолевшего грозного врага. Понятна слава Мономаха, победителя векового врага: народ умеет ценить тех, кто выступает защитником его от врагов; вспомним, что даже Святополку Окаянному прощал народ его «окаянство» за то, что он «много пострадал за землю Русьскую с погаными печенеги».

В упорной борьбе с половцами в начале XII в. (1103—1111) Русь одержала победу над степью, отодвинула половецкие кочевья; попытки половцев дважды вторгнуться (в 1112 и в 1126 гг.) в русские пределы потерпели поражение. Однако победа эта не была окончательной. Все усиливающаяся феодальная раздробленность, разобщенность, экономическая и политическая слабость отдельных княжеств, непрерывная борьба князей за землю и власть дают возможность половцам снова начать свои набеги и систематически грабить и разорять русские земли.

Натиск половцев особенно усиливается в 80—90-х гг. XII в., непрерывно продолжаясь («рать без перерыва», как говорит летописец) до самого разгрома половцев, татаро-монголами и сокрушительного удара последних на Русь.

Эти годы тяжелых испытаний, «плача земли русской», годы героизма и мужества русских людей и в то же время неурядиц земли, вражды и слабости русских князей, увековечил народ в величайшем своем литературном памятнике «Слово о полку Игореве». Певец «Слова» — настоящий сын своего народа, своей родной земли, подлинный патриот, борец за единую сильную Русь, страшную врагам и целостную в своем единстве, нераздираемую княжескими раздорами и усобицами. Он не впадает в уныние, не призывает к покорности; он верит в силы своего народа, своей родины, зовет к борьбе. «Слово» отражает стремление народных масс к объединению, к борьбе с «погаными», опустошающими и грабящими землю Русьскую. «Смысл

поэмы, — говорит К. Маркс, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». ¹

В 70-х гг. XII в. киевские и переяславские князья начинают смелые походы против половцев, напоминающие славные походы в половецкие степи Владимира Мономаха. В 1171 г. князь Игорь Святославич разбивает ханов Кончака и Кобяка на р. Ворскле. В 1172 г. ханы, ходившие к Переяславлю и пытавшиеся овладеть городом, обращены в бегство. В 1184 г. предпринимается большой «союзный» поход южных князей, поддержанный владими́ро-суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо.

Потерпев ряд поражений, половцы объединяют все свои силы под властью хана Кончака, чтобы нанести сокрушительный удар русским и добиться полного разгрома Русской земли. Они предпринимают крупные набеги и начинают систематически опустошать русские земли. Хорошо организованные и вооруженные, применявшие катапульты и баллисты, которые они везли «на возу высоком», тугие «луки»-самострелы, тетиву которых натягивали не менее 50 человек, и «греческий» (живой) огонь, а быть может, даже порох, половцы представляли грозную силу. И тем не менее они были разбиты (1184). Объединившиеся при Святославе киевские князья сумели нанести им сокрушительный удар. Были захвачены и их «военные машины», отбиты взятые ими в предшествующих походах пленники и захвачен «бесоурменин», стрелявший живым огнем. Попал в плен хан Кобяк. «А поганого Кобяка из лукоморья из железных великих полков словно вихрь исторгнул: и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венециане, тут греки и моравы поют славу Святославу...»

Но начавшись так блестяще, эти походы заканчиваются разгромом русских в 1185 г. на р. Каяле, пленением Игоря и его сына Владимира и гибелью русских ратей. У половцев на этот раз были решающие преимущества: огромное численное превосходство и великолепное знание местности: они бились у себя, в степях; для русских же это была непривычная степь — «земля незнаема», «поле половецкое». Привитую с детства искусность в владении оружием, сметливость и доблесть русских воинов воспевают «Слово», влагая в уста князю Всеволоду сле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

дующую характеристику его «курян» — ополчения из горожан г. Курска. «А мои ти куряне сведоми кѣмети: под трубами повити, под шеломи възлелеяны, конец копия вскормлены, пути им ведомы, яругы им знаемы, луци у них напряжени, тули отворены, сабли изьострены, сами скачють, яки серые вѣлцы в поле, ищучи себе чти, а князю славы». ¹

Но несмотря на все искусство и героизм русских и их отчаянное сопротивление, небольшой русский отряд был разбит, князья попали в плен. «На реке на Калке тьма свет покрыла, по Русской земле простерлись половцы словно барсово гнездо». «И застонал... Киев от печали, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль глубокая потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами рыская по Русской земле, брали дань по веверице со двора».

Испытывая постоянные грозы нашествий степняков-печенегов, половцев, татар, Киев упорно и самоотверженно отстаивал свои богатства, сокровища своей многовековой культуры, вновь и вновь возрождая город из пепла пожарищ. Не желая сдаваться ни степнякам, ни ненавистным ляхам, народ требовал от своих князей сопротивления врагу. Потому так позорно кончил князь Изяслав, отказавшийся возглавить народную борьбу с половцами в 1068 г. Потому так возвеличил народ князя Владимира Мономаха, прославившего Русь и свои рати блестящими победами над половцами.

Хотя Киев и не мог устоять против сильнейших и прекрасно технически оснащенных войск Батыя (1240), но сопротивление его ордам татаро-монголов было героическим.

Татаро-монголы впервые столкнулись с русскими в 1223 г. Полчища Чингис-хана наголову разбили русских князей и их союзников в битве на р. Калке. Причиной этого страшного поражения явились, как и в борьбе с половцами, сплоченность, организованность татаро-монгольских отрядов, с одной стороны, и множественность отря-

¹ «А мои ведь куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами укачаны, концом копья вскормлены; дороги им известны, овраги им знакомы; луки у них ватявуты, колчаны открыты, сабли отточены; сами рыщут словно серые волки в поле, ищя себе чести, а князю славы».

дов, разобщенность, отсутствие единства в командовании и в действиях русских княжеских дружин, с другой, феодальная раздробленность Русской земли. И в этой битве русские проявили немало мужества, показали примеры настоящего героизма, смелости и отваги. Дорого обошлась врагам их первая победа!

В течение 13 лет татаро-монголы не приближались к Русской земле. Лишь в 1236—1238 гг. предпринимают они новый поход, громят Рязанскую Украину и северо-восточные земли. В 1238 г. они окончательно разбили половцев. Осенью 1240 г. золотоордынский хан Бату (Батый, как называли его русские летописи) двинулся со всеми своими силами на Днепр. Подойдя к киевским высотам, двоюродный брат Батыя Метухан остановился «у града Песочного», удивлялся красоте и величии Киева и предложил через послов киевлянам и князю Михаилу Всеволодовичу сдаться, обещая пощаду: «хотя и прельстити». Но киевляне гордо отказались. Князь бежал с семьей в Угры (Венгрию), но киевляне решились начать неравную борьбу. «Приде Батый Киеву, — рассказывает летопись, — в силе тяжьце многомь множеством силы своей и окружи град и остолпи сила татарская, и бысть град во обдержаньи велице и бе Батый у града и отроци его обседаху град и не бе слышати от гласа скрипанья телег его, множество ревения вельблуд его, и рыжания от гласа стада конь его» . . .

Татары обложили город, поставили у его ворот стенобитные орудия: «пороком же беспрестану бьющим день и ночь, выбиша стены».

Но и после того, как стены Киева были совершенно разбиты татарскими «пороками», население города не сдавалось; оно укрылось в детинце, воздвигло в одну ночь новые укрепления и продолжало бой с превосходящими силами жестокого и неумолимого врага. Наконец оставалось одно укрепленное прибежище — старейший киевский храм — Десятинная церковь, под защиту которой бежало огромное множество людей. Бежали со всем своим имуществом, всем, что было наиболее ценного; пытались спастись через подземный ход, но не смогли. Не выдержавшие тяжести толпы и расшатанные от непрерывного действия стенобитных орудий хоры Десятинной обрушились и погребли под развалинами всех, пытавшихся спастись за ее стенами.

Киев оказался во власти татар. Город подвергся страшному опустошению, оставшиеся жители в большинстве были перебиты. Разорена была и вся Киевская земля.

Мужественное сопротивление, оказанное Киевом, как и многими другими русскими городами, признаваемое даже самими татарами, имело всемирно-историческое значение. Киев, Русская земля, стоя на рубежах европейского и азиатского миров, приняла на себя сокрушительные удары татаро-монгольских орд и своим мужественным сопротивлением ослабили их натиск на Европу, защитили ее.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Когда возник Новгород, неизвестно, но в X—XI вв. он уже был вторым по величине и по значению после Киева городом на Руси. В XII в. Новгород уже вел обширную заморскую торговлю. Богатства Новгорода служили постоянной приманкой для его соседей. Новгородские владения простирались от Финского залива до Уральских гор и от Белого моря до верхнего течения Волги. Обширные земельные владения являлись основой богатств могущественного новгородского боярства.

Рыцарь Гильбер де-Ланнуа, посетивший Новгород в начале XV в., называет его «удивительно большим городом» и отмечает силу и богатство его боярства.

Политический строй Новгорода был отличен от строя остальных русских княжеств. Два высших органа власти стояли во главе управления Новгородом: вече и совет господ. По звуку колокола новгородцы собирались на вечево́й площади. Иногда на вече съезжались жители «младших» городов — Ладоги, Пскова, Орехова (Шлиссельбурга), Корелы (Кексгольма). Установленных форм для постановлений веча не было. Нередко дело решалось криком, дракой. Здесь возникали усобицы, разделявшие город на враждующие лагеря.

Чтобы сохранить за собой господство на вечевых сходах, новгородское боярство широко применяло подкуп, угощение, нанимало кричать за себя на вечево́й площади «худых мужиков вечников».

Другим органом власти в Новгороде был совет господ. Он состоял из представителей боярства и купечества, державших в своих руках власть в городе. Советом господ готовились законы на утверждение веча, предreshалось избрание посадников и тысяцких, вершился суд. Им

же велись сношения с иностранными землями. Во главе совета господ стоял новгородский архиепископ, являвшийся крупнейшим феодалом области. Он владел софийской казной, имел собственный двор, свои артели строителей, художников, книжников и особое войско («владычный полк»). Архиепископ на собственные средства ставил крепостные стены и башни. Он судил, наблюдал за орудиями веса и мер, вел дипломатические переговоры с иностранными государствами и покровительствовал заморским купцам.

Иным было положение в Новгороде князя. Это был человек чужой, пришлый, призванный лишь как военный руководитель. С ним заключался «ряд» (договор), которым строго ограничивалось его вмешательство во внутреннюю жизнь города. Даже жил он вне города — на Рюриковом городище. Нередко новгородцы изгоняли чем-либо не угодившего им князя и приглашали другого.

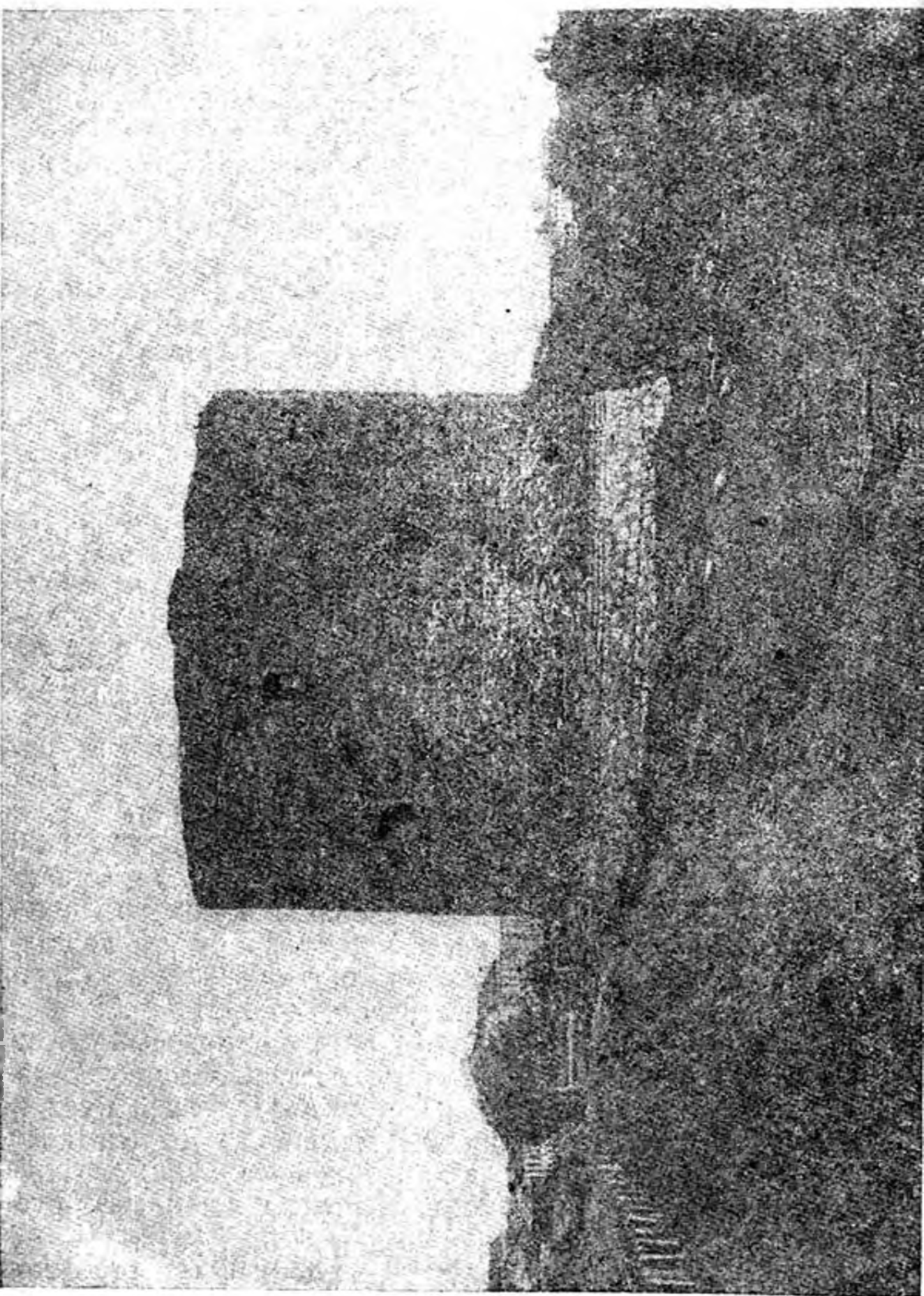
Живую силу города составляли его ремесленники. Их было много. Жили они вместе — гончары с гончарами, плотники с плотниками. Многие предприятия в городе велись большими артелями строителей, иконописцев, грузчиков и т. д. Ремесленное население не раз брало верх на вечевых сходках, но ни разу не сумело прочно удержать за собою власть в городе.

С началом возвышения Москвы ремесленники и все беднейшее население города «тянули» к Москве, как к центру русского единения. Во второй половине XV в. беднейший люд жаловался Ивану III на притеснения новгородских бояр. Черные люди отказывались выступать против московского войска, заколачивали пушки в Новгородском детинце (Кремле), когда московские полки подступили к городу. В 1478 г. Новгород был окончательно присоединен к Русскому государству.

Именно ремесленники и создали неповторимый внешний облик Великого Новгорода, замечательные произведения его зодчества и живописи — гордость древней Руси.

Уже в первой половине XII в. вполне определился внешний облик города и его дальнейшее архитектурное развитие. Лучшие постройки этой поры принадлежат русскому мастеру Петру.

В истории Новгорода XII век — это век его расцвета. Новгородская архитектура этого периода торжественна, спокойна, грандиозна. Внутренние помещения обширны,

светлы. Эта простота и спокойствие — подлинный идеал классического искусства. С новгородскими зданиями XI—XII вв. по ясности их замысла и торжественной простоте форм могут сравниться лишь гармонические колоннады древней Греции.

Позднее архитектура Новгорода становится более демократичной, менее торжественно-величественной, здания строятся меньших размеров, скромнее, город наполняется ими и расширяется чрезвычайно быстро.

Типична для этой поры знаменитая церковь Нередица (конца XII в.), стенные росписи которой пользуются всемирной славой.

После татаро-монгольского завоевания Руси Новгород теряет свои богатства, архитектурное строительство в нем замирает.

Новый расцвет новгородского искусства наступает во второй половине XIV в. Новгород быстро обстраивается замечательными архитектурными сооружениями, в которых отразились некоторые западноевропейские влияния, но в основном сказались местные вкусы. Белые гладкие стены церквей покрываются декоративной разделкой, в которой отчетливо сказались народные вкусы их строителей-ремесленников — каменщиков и плотников.

Одновременно XIV в. — время необычайного расцвета в Новгороде стенной живописи. Стенные росписи XIV в. сохранились во многих новгородских церквях. Краски новгородских художников изумительно разнообразны. Никто не умел лучше их извлекать красивые эффекты из сопоставления красных, желтых, зеленых тонов, заставлять звучать интенсивные синие тона, тончайшим образом сопоставлять красные и коричневые оттенки.

Новгородские мастера второй половины XIV в. славились своим умением изображать в живописи движение, создавать сложные композиции, передавать психологию изображаемых лиц.

Новгород — важнейший культурный центр древней Руси. Его книжными богатствами широко пользовались в XV, XVI и XVII вв. и Москва, и все другие русские города.

* * *

Новгород расположен недалеко от западных границ Руси. Защита Руси с запада — от шведов, Литвы и не-

мецких рыцарей составляла основную задачу боевой, военной деятельности Новгорода.

Стойкой обороной своих западных границ новгородцы спасли Русь в тяжелые годы татаро-монгольского ига от врага, не менее опасного и жестокого, чем татаро-монголы, — от объединенных сил Тевтонского ордена и ордена Меченосцев. Еще в XII в. немецкие рыцари, потерпев неудачу в крестовых походах, хищной и алчной стаей устремились в Прибалтику. Немцы поработили там местное население — ливов, эстов, пруссов, обратив их в своих крепостных. «Цветущая страна пруссов была превращена в пустыню: на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву».¹

Еще в 1224 г. немцы напали на русский город Юрьев (ныне Тарту). В Юрьеве находился в это время ставленник новгородцев — полоцкий князь Вячко, прославившийся своей мужественной борьбой с орденом Меченосцев. Настроенный в пользу немцев ливонский летописец называл его «сущим дьяволом». С этим «дьяволом», засевшим в Юрьеве вместе с 200 русскими ратниками, рыцари думали легко справиться.

Они подкатили к Юрьеву осадную башню, громили его стенобитными орудиями, подвели под стены подкоп, не давая осажденным ни минуты покоя. Горсть русских ратников, засевших в Юрьеве, отказалась сдаться, хотя рыцари предлагали им почетные условия сдачи и свободный пропуск назад в Новгород. Когда немцы начали штурм города, русские через пролом начали скатывать вниз «колеса, полные огня», и подожгли осадную башню. Но немцы через тот же пролом ворвались в город и подвергли его страшному опустошению. Русские ратники во главе с князем Вячко предпочли погибнуть в битве, чем сдаться врагу.

В 1233 г. немецкие рыцари пытались захватить Псков и Новгород. Они овладели было псковскою крепостью — Изборском, но вскоре отец Александра Невского — князь Ярослав Всеволодович разбил их в большом сражении: много немцев было убито, часть утонула в реке, часть — раненные — спаслись бегством. Русские, мстя за гибель за-

¹ К. Маркс, Хронологические выписки. «Исторический журнал» № 1, 1931 г., стр. 61.

щитников Юрьева, опустошили окрестности Юрьева и Оденне (Медвежьей Головы).

В 1237 г. плохие дороги и непроходимые болота оградили Новгород от татаро-монгольских орд Батые. Однако Золотая Орда не отказалась от стремления подчинить себе Новгород. Зимой 1257/58 г. и в 1259 г. в Новгород с целью обложить его данью наравне с остальными покоренными русскими княжествами явились татарские баскаки для переписи населения. В городе вспыхнуло восстание: черный люд выступил против татар. Гнев народа обратился и против бояр, пытавшихся переложить всю тяжесть поборов на «меньших людей». Татары вынуждены были убраться из Новгорода, но городу угрожала расправа Золотой Орды, а разгром Новгорода Ордой мог повлечь за собой подчинение его более страшному врагу — немцам.

Розмирие Новгорода с Золотой Ордой мудро предотвратил Александр Невский. С этой поры Новгород начинает платить «выход ордынский», становится в политическую зависимость от Владимиро-Суздальского княжества и дальнейшую свою борьбу с натиском Швеции и немецких рыцарей он ведет как часть всей земли Русской.

Александр провел юность в Новгороде. Здесь княжил его отец Ярослав Всеволодович. Здесь княжил и он сам, начиная с 1236 г. Он любил Новгород, знал новгородцев и умел подчинять их своей власти. Новгородцы высоко ценили своего князя, с уважением отзывались о его воинском искусстве, видели в нем надежного защитника против иноземного нашествия, которым им постоянно угрожала тяжелая военная обстановка второй четверти XIII в.

В 1236—1240 гг. страшный разгром Руси полчищами татаро-монголов вселил в немцев новые надежды на подчинение себе Северо-Западной Руси. К этому времени происходит объединение немецких рыцарей в Прибалтике: ордена Мечепосцев и Тевтонского ордена. Немцы вербовали в ратники местных жителей: ливов, эстов и пруссов. К ним присоединились отряды датских рыцарей.

В то же время (1239) папа римский вел переговоры о совместном выступлении Ордена и Швеции против Руси. Казалось, полчища врагов не могли встретить сильного сопротивления в дотла разоренных городах и селах Руси.

Первым выступило в поход крестоносное войско шведов. Шведы прибыли на кораблях в Неву и остановились в устье Ижоры, намереваясь идти на Новгород. Во главе

шведского войска стоял зять короля Эрика — Биргер, фактический правитель Швеции. Большое войско шведов было хорошо вооружено и прекрасно организовано. Биргер не сомневался в успехе и выслал Александру гордое объявление войны: «Если можешь противиться нам, то я уже здесь и пленю землю твою». Шведам казалось, что Александр, которому было всего лишь 20 лет от роду, не сумеет собрать дружину и защитить Новгород. Однако Александр и в двадцать лет был уже зрелым воином.

«Разгоревшись сердцем» (так пишет летописец), Александр, не тратя времени на сборы, с небольшой дружиной двинулся на шведов, чтобы стремительным ударом разбить врага. На пути Александра встретил старейшина Ижорской земли, местный житель ижорец¹ — Пелгусий, которому была поручена в этих краях Александром морская стража. Пелгусий рассказал Александру о количестве и расположении шведов.

15 июля 1240 г. Александр внезапно напал на шведов и разбил их. Сражаясь в рядах своего войска, Александр нанес удар мечом в лицо самому Биргеру. Шесть простых ратников особенно прославились в этой битве своими подвигами. Гаврила Олексич, в пылу битвы, преследуя королевича, въехал по сходням-доскам на шведский корабль. Его толкнули в воду вместе с конем, но он спасся и, ворвавшись в середину вражеского войска, снова продолжал сражаться. Новгородец Збыслав Якунович бесстрашно бился, имея в руках лишь один топор, и поразил им нескольких рыцарей. Ловчий князя — Яков Полочанин — наскочил на полк врагов с мечом и «мужествовав крепко» один. Он заслужил похвалу Александра. Новгородец Миша вместе с отрядом пеших ополченцев разгромил три шведских корабля. Некий Савва, пробившись в лагерь шведов, подсек столб златоверхого шатра самого Биргера. Полци же великого князя Александра, увидевши падение шатра, «того и взрадовашася». Слуга Александра Ратмир бился пешим. Шведы обступили его, нанесли ему несколько ран, но он продолжал мужественно сражаться, пока не пал. Такими были русские ратники, «крепко мужествовавшие» в дружине Александра.

Поражение шведов было окончательным. Шведы

¹ Немногочисленная народность, до сих пор сохранившаяся в Ленинградской области.

спастись бегством, увезя с собой два корабля с трупами знатнейших рыцарей. Корабли эти были потоплены в море. Остальных убитых они похоронили в ямах на берегу.

Но вскоре после этой великой победы на Неве, за которую Александр получил впоследствии прозвание Невского, он рассорился с новгородским боярством и уехал из Новгорода.

Воспользовавшись отъездом Александра, немецкие рыцари вторглись в русские земли. Они намеревались захватить Псков и затем напасть на Новгород. Измена князя Ярослава Владимировича, которого псковичи перед этим прогнали от себя, облегчила им поход.

Соединенное войско рыцарей, в которое были завербованы жители Дерпта, Оденне и Феллина, захватило отчаянно сопротивляющуюся крепость Изборск.

Жители Пскова выступили против рыцарей. Под Изборском разразилось большое сражение, но псковичей было слишком мало, и они были разбиты.

Немцы подошли к Пскову, но взять штурмом его крепкие стены не смогли. Жители храбро отбивались, но измена открыла немцам путь в город. Псковский посадник Твердило Иванович с боярами-изменниками впустил немецких захватчиков в Псков. Часть псковичей успела бежать в Новгород с женами и детьми. Захватив Псковскую землю, немцы попытались здесь закрепиться. Они построили крепость Копорье, стали кабалить и грабить население. От крестьян отнимали копей, угоняли скот. Нечем стало пахать по селам. В своих грабительских набегах немцы доходили почти до самого Новгорода.

Население Новгорода потребовало от бояр возвращения Александра. К нему послали послов. Князь, видя опасность, угрожавшую русской земле, забыв обиды, вернулся в Новгород и стал собирать рать из новгородцев, ладожан, карел, ижорян.

Вскоре Александр выступил в поход. Прежде всего он взял Копорье, срыл до основания его укрепление, освободил окрестных жителей. Но чтобы нанести немцам решительный удар, нужно было собрать большие силы, чем те, которые были у Александра Невского, и он энергично взялся за сбор большого народного ополчения. К нему присоединились ратники и из других русских областей.

С большой ратью из центральных областей Руси пришел брат Александра Невского — Андрей.

Общая опасность объединяла русских людей, и в этом объединении чувствовалось предвестие будущего объединения русского народа. Русь впервые выступала как целое. Память об этом единении русских людей в рати Александра Невского долго сохранялась в народе и дожила до той поры, когда вся Русь объединилась под знаменами другого замечательного русского полководца и политического деятеля — Дмитрия Донского. Дмитрий Донской с гордостью причислял к своим предкам Александра Невского и призывал следовать его примеру.

Объединенное русское войско двинулось к Пскову. В 1242 г. Александр подступил к псковским стенам и взял их приступом. В числе захваченных им пленных были орденские наместники.

Освободив всю Псковскую область от власти Ордена, Александр Ярославович вторгся во владения Ордена. Огромное немецкое войско выступило ему навстречу. Немцы хвалились: «возьмем князя Александра руками». Немецкие псы-рыцари просчитались. Александр приготовился встретить немцев у Бороцкого камня на Чудском озере.

Обычно рыцари выстраивали свои войска клином или, как называли этот клин русские, — «свиньей». В острии клина ставился конный отряд тяжеловооруженных рыцарей. В середине двигалась пехота с копьями и мечами. С боков — конные рыцари. Замыкала клин снова рыцарская конница. Такая «свинья» медленно надвигалась на врага, а затем, все более ускоряя свое движение, врезалась в самую середину войска противника, разбивала его строй и громила по частям.

Русские князья, выстраивая войска перед битвой, обычно делили их на пять полков. «Большой полк» (или «чело») ставился в центре и должен был выдержать натиск противника. «Полк правой руки» и «полк левой руки» — ставились по краям и предназначались для решительного флангового удара по врагу. Кроме того, впереди ставились еще два полка — передовой и сторожевой, предназначавшиеся для наблюдения за неприятелем и первой атаки на него. В основном этот боевой порядок сохранялся и в XI и в XIV вв.

Готовясь к встрече с войском немецких рыцарей,

Александр Невский ясно представлял себе силу фронтального удара знаменитой немецкой «свиньи», слабость ее флангов и затруднительность перестроения ее рядов во время боя. В соответствии с этим Александр выстроил свои войска так, чтобы основные силы его рати находились не в центре, а на флангах. 5 апреля 1245 г. на льду Чудского озера у Вороньего камня произошло сражение, в котором храбрость русских воинов, боровшихся за свободу своей родины, привела к разгрому немецких захватчиков. Рыцарский клин, ударивший в центр русского войска, был в свою очередь зажат с флангов и с тыла. Немцы были наголову разбиты. Не было видно льда от покрывшей его крови. Семь верст гнал Александр немецких рыцарей по озеру. Многие из них утонули, многие были убиты и изранены. Для немцев это сражение было настоящим побоищем, и недаром поэтому народ дал ему название Ледового побоища. Одних рыцарей полегло в нем 500 человек, а чудской рати — бесчисленное количество. Александр захватил в плен 50 рыцарей и привел их в Новгород.

Рыцари были надолго отброшены от границ Новгорода и всей Русской земли. Победа новгородских воинов на льду Чудского озера преградила путь немецким рыцарям в русские пределы. В «Хронологических выписках» Маркса мы читаем: «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lutrascii) были окончательно отброшены от русской границы».¹

Победы Александра Невского и его личность оставили глубокий след в русской истории. Уже в представлениях современников он был народным героем, богатырем. Его имя было окружено легендами. Сразу же после смерти Александра, оплакиваемого всем народом, было составлено сказание, в котором в глубоко поэтической форме излагается биография Александра Невского. Славе Александра сказание придает всесветное значение: народы «по всем странам» трепещут от его имени, король северной страны завидует Александру, римский папа посылает к нему своих кардиналов, Литва боится его, татарские жены пугают своих детей угрозой «Александр едет», и

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, стр. 54.

сам Батый признает его превосходство над всеми остальными русскими князьями.

Магистр Ливонского ордена меченосцев Андрей фон Фельвен (в повести — Андреяш), возвратясь на родину, так отзывается о дивном росте Александра: «не видел такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Народная любовь к своему герою отразилась в сказании в том, что Александр Невский наделяется всеми необычайными качествами: голос его звучал, как труба, храбростью он напоминал римского цесаря Веспасиана, силой — Самсона, красотой — Иосифа Прекрасного, мудростью — Соломона. Так было выражено в его биографии то впечатление, которое он оставил в народе. По смерти его народ плакал и говорил «уже погибает». При встрече его тела в Боголюбове люди так рыдали, «яко земли потрястися».

Время княжения в Новгороде Александра Невского — самый напряженный, но вместе с тем и самый блестящий период в борьбе Новгорода на рубежах Русской земли. Победы Александра дали почувствовать врагу мужество и силу русского сопротивления. Но борьба продолжалась и в дальнейшем. Вся история Новгорода, все новгородские летописи из столетия в столетие полны рассказами о военных столкновениях новгородцев на их западных и северо-западных границах.

Особенно серьезная опасность нависла над Новгородом в XIV в. Новгородский летописец рассказывает, как в 1300 г. пришли из-за моря в Неву шведы с наместником короля, как привели с собой мастеров из своей земли и от папы римского и построили в устье Охты над Невою крепость, утвердив ее «твердостью несказанною», поставили металлические орудия и гордо называли ее Венцом земли. Сведения эти вполне точны. Маршал Торкель Кнутсон, правивший Швецией вместо малолетнего короля Биргера, сам присутствовал при построении Ландскроны (по-русски — Венец земли), которой придавалось большое значение.

Новгородцы без осады приступом захватили Ландскрону и разрушили ее до основания. К. Маркс пишет по поводу этого похода Торкеля Кнутсона: «Военные походы

против русских стояли шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов». ¹

В 1348 г. шведский король Магнус по настоянию папы Климента IV предпринял обширный крестовый поход на Русь. Магнус собрал для похода на Новгород людей со всех стран Европы. истратил на него огромные деньги (даже часть папской «десятины» — налога в пользу папы, собиравшегося во всех католических государствах Европы), но потерпел неудачу.

Об этом короле Магнусе в Новгороде сложилась своеобразная легенда. Магнус будто бы оставил «рукописание», в котором завещал перед смертью своим соотечественникам не тревожить новгородцев, не наступать на Русь, не пытаться склонить русских в свою веру.

В начале XVII в. шведские и польские войска подвергли страшному опустошению Новгородскую землю. Польские и шведские отряды поджигали погосты, насильно сгоняли крестьян на работы, разверстывали большие постоянные деньги, отбирали продовольствие. Крестьяне обязаны были поставлять шведам и полякам муку, овес, солод, хмель, вино, масло, рыбу, соль, кур, сено, дрова, свечи и кроме того работать на них. Ослушников постигала жестокая кара. Однако свирепое хозяйничанье иноземцев привело лишь к достигшей большого размаха партизанской войне. Крестьяне нападали на отряды интервентов и истребляли их. Боясь партизан, французские наемники шведского полководца Якова Делагарди отказывались идти в походы. Мелкие отряды шведов чувствовали себя в деревнях как в осаде. Шведы жгли села, но партизанская борьба против них не прекращалась.

Самому Новгороду угрожали сильные рати поляков и шведов. Измена части боярства помогла шведам при штурме города. Хотя городовые казаки и мелкий люд оказали полякам ожесточенное сопротивление, шведы все же ворвались в город и стали его грабить, насилуя, убивая, сжигая дворы посадских. Особенно отмечает новгородская летопись храброе сопротивление казаков ата-

¹ Архив Маркова и Энгельса, т. V, 1938, стр. 338.

мана Шарова и софийского протопопа Аммоса, который один со своими домочадцами долго отбивался от шведов в своем доме, пока враги не подожгли его двор. Ожесточенное сопротивление встречали шведы и в других городах. Когда шведы напали на Колу, они встретили такой отпор, что принуждены были отступить. Исключительная храбрость и самоотверженность русских крестьян и посадских людей удивляли видавших виды иноземных наемников. Когда после жестокой осады пала Корела (Кексгольм), то из 3 тысяч жителей в ней осталось в живых всего 100 человек. В Орешке (Шлиссельбурге) после штурма живыми оказалось всего 2 человека из гарнизона.

Новгородская область за годы хозяйничанья в ней всеевропейского сброда наемников была страшно опустошена. Население Новгорода частью вымерло, частью разбежалось, соединившись с отрядами партизан. В начале XVII в. в самом городе было много пустырей: пустовали целые улицы. «А в твоей государевой отчине, — писали новгородцы в челобитной царю, — в Великом Новгороде Софийская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, стороне также многие улицы и ряды пусты; в которых, государь, улицах и есть жилишка, и тех немного: в улице человек по осьми и по десяти, да и те бедны и должны».

Запустели мирные села, погосты, починки. Земля стояла непаханной и зарастала сорняком. В лесах бродили одичавшие лошади. Но разбежавшиеся жители соединялись в отряды и били вражеских солдат всюду, где бы они ни появлялись. Жители городов сносились друг с другом посланиями, объединялись в ополчения. В Тихвине шведский гарнизон был почти уничтожен. Шведам не удалось замирить и Псков. Именно эта народная война, до крайности истощившая шведское войско, заставила их поторопиться с заключением Столбовского мира, по которому многое из фактически завоеванного шведами возвращалось русским. Дорого ценили русские люди свою национальную независимость и предпочитали разорение, запустение городов и сел, самую смерть — подчинению врагу. Героическое сопротивление всего русского народа спасло Русскую землю от иностранных армий в начале XVII в.

ПСКОВ ВЕЛИКИЙ

В течение более чем полутысячелетия Псков был передовым оплотом, прикрывавшим Русскую землю от вторжений с запада. Длинная и узкая полоса Псковской области, тянувшаяся от верховьев реки Великой до реки Наровы, не раз сдерживала яростные натиски Литвы и немецких рыцарей. Военская доблесть псковичей и их чувство единства со всем русским народом спасали Русь в самые тяжелые годы военных испытаний. Общая постоянная опасность внешних нападений рано объединила интересы Пскова и Москвы. Нередко они выступали вместе во внешнеполитических переговорах.

Подобно Новгороду Псков был одним из крупнейших культурных центров древней Руси. Псков бережно сохранял богатейшее княжеское наследие домонгольской Руси. Здесь переписывались старые русские летописи и хронографы, светские повести и др. В псковской переписке сохранилась единственная рукопись величайшего древнерусского поэтического произведения — «Слова о полку Игореве» (рукопись эта сгорела в московском пожаре 1812 г.).

О высокой культуре псковичей с похвалой отзывались иностранцы. Известный автор книги о Московии начала XVI в. — Герберштейн — говорит о благовоспитанности псковичей, их честности, прямоте и умении вести торговлю без лишних переговоров и суеты. Иноземные дипломаты отмечают образованность многих псковичей.

В Пскове, являвшемся одним из крупных торговых центров, связанных с Прибалтикой, жило много бременских, рижских, ревелских и других купцов. В быт Пскова проникли и западная одежда и западные предметы обихода. Раньше, чем в Московском государстве, псковичи надевают короткое полукафтанье, причесываются «по-

польски» (ня пробор), отправляют своих зотчих учиться на Запад. Вместе с тем здесь более, чем где бы то ни было, книжность придеговивалась чистого, богатого и народного русского языка. Псковичи широко интересуются родной историей, их рукописи переписываются на полях пословицами и поговорками, здесь создаются лучшие произведения народной поэзии.

Пограничное положение Пскова сказалось и на его политическом строе. Хотя строй общественной жизни Пскова и не представлял существенных отличий от новгородского, однако он был более подчинен задачам обороны. Вся система управления была более централизована: совет, называвшийся в Пскове «господой», пользовался большей властью, вмешательство князя во внутренние дела Пскова было почти исключено, но зато крепче была его власть как руководителя войска.

В XIII—XIV вв. Псков был одним из самых больших городов Европы (больше тогдашнего Лондона). По данным писцовых книг в Пскове торговало 1300 лавок. Густо была заселена и вся Псковская область.

Постоянная необходимость оборонять свои западные границы вызвала в Псковской области усиленное строительство крепостей. Каменные стены уже в XIII в. имели псковские пригороды Копорье (1280), Юрьев (1262), в XIV в. — Изборск (1330). В начале XV в. упоминаются каменные стены вокруг Острова и т. д.

Сохранившиеся стены Пскова имеют протяженность более 9 км. (стены Смоленска — вторые по величине в России — имеют всего 3 км. в длину). Стены эти окружали посад и защищали всю населенную часть города. Псковичи заслуженно пользовались репутацией лучших русских каменщиков. Иногда, в случаях вражеского нападения на город, крепостные стены возводились всем его населением. Этот общенародный характер крепостного строительства в Пскове наложил особый отпечаток и на его архитектуру.

Две выстроенные почти одновременно крепости: псковская — Изборск и немецкая — Нейгаузен совершенно различны по своему характеру. В Нейгаузене немецкие феодалы не очень доверяли своим войскам и поэтому крепостные башни открыты внутрь, не имеют внутренней стены. Гарнизон этих башен легко мог быть перебит из центрального укрепления — так называемого «донжона», где обыч-

но находился феодал. Башни Изборска, наоборот, рассчитаны на большие гарнизоны, вполне самостоятельные в своих действиях. Каждая башня — вполне замкнутое сооружение с одним входом со стены и приспособлена к защите даже после захвата крепости врагом.

Еще в XIII в. ливонские рыцари пытаются овладеть новгородскими и псковскими землями. Псковская летопись рассказывает о стенобитных орудиях, самострелах, всяких лестницах, подвижных городках, а впоследствии — о пушках, каменных ядрах, пищалях, которые в изобилии употребляли немцы при осаде городов.

Успеху обороны псковских городов способствовало мужество псковичей и ясное осознание ими цели войны: псковичи защищали независимость Псковской земли и всей Руси; немцы же вели захватническую войну.

В последней четверти XIII в. один из литовских князей — Довмонт явился в Псков, стал во главе его войска и мужественно защищал Псков и от немцев и от литовцев.

Время княжения Довмонта (1266—1299) — один из самых героических периодов псковской истории. Меч Довмонта (по преданию надетый на него игуменом перед битвой с немцами) изображался на печати Пскова и на его знамени.

Довмонт дважды ходил походом на Литву и принимал участие в походе русских князей на ливонских рыцарей. Он завоевал всю Ливонию до моря и вернулся в Псков с богатой добычей. В его отсутствие немцы пытались захватить Псков, но были отбиты горожанами. В следующем году Довмонт еще раз отбил немцев от стен города. Имя его было окружено легендами. О военных подвигах Довмонта были составлены героические сказания.

Борьба с немцами и Литвой составляет основное содержание исторической жизни Пскова в течение более чем трех столетий. Эта борьба осложнялась постоянной рознью с новгородцами, часто отказывавшими псковичам в помощи. Но владимирско-суздальские князья в критические моменты нередко помогали и Новгороду и Пскову. В войсках Александра Невского, освободившего Псков от немцев в 1240 г., наряду с псковскими дружинниками, ремесленниками и «сельскими людьми» бились за независимость своей родины и суздальцы.

С XIV в. Псков завязывает тесные отношения с Москвою, а в начале XVI в. вступает в состав единого русского национального государства.

* * *

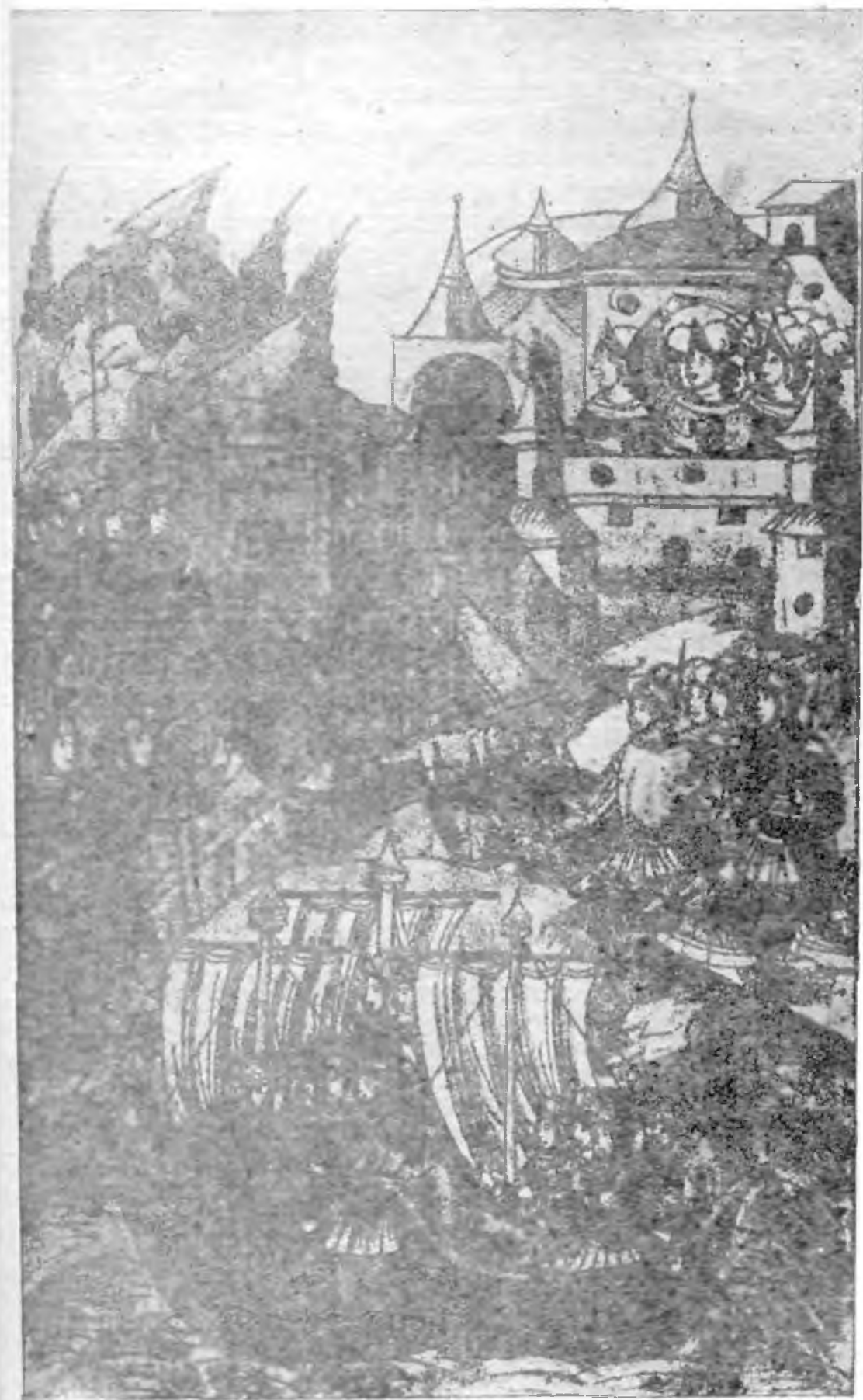
Самые славные страницы боевой истории Пскова после объединения его с остальной Русью, это — оборона от польско-венгерских войск короля Стефана Батория (1581—1582).

Осада Пскова была предпринята Стефаном Баторием во время так-называемой Ливонской войны. Война эта была вызвана необходимостью для России получить выход к Балтийскому морю. Литва, Польша и Ливонский орден преграждали России путь к морю, держали ее в фактической блокаде, которая наносила огромный вред хозяйственному и культурному развитию России, препятствовала установлению торговых, политических и культурных сношений России с Западной Европой.

В 1558 г. Иван Грозный предпринял поход против Ливонского ордена с целью завоевания Балтийского побережья, издавна тесно связанного с русскими землями, и отвоевания захваченных рыцарями русских городов — таких, как Юрьев и др.

Война с Ливонским орденом протекала очень успешно для русских войск, и вскоре под их ударами Орден стал распадаться.

Зимой 1575/76 г. русские войска перешли по льду на острова Эзель, Даго, Моон, взяли Гапсаль, Пернов и Гельмет. В 1576 г. русская армия трижды подступала к Ревелю. Обращаясь с мольбой о помощи к германским городам, ревельцы писали о своем враге, что он «подобен дикому медведю, который, будучи ранен, делается еще отважнее и страшнее». К 1577 г. почти вся Ливония, кроме Риги, Трейдена, Динамюнде, была завоевана Иваном Грозным. Русские подвезли в Ливонию громадные военные запасы. Перед осадой Ревеля они имели 2000 бочек пороха. По городу было выпущено 4000 ядер и зажигательных снарядов. Впоследствии автор дневника похода Стефана Батория на Русь — Пиотровский писал, что в отбитых у русских городах Ливонии они нашли столько артиллерийских снарядов, сколько они вряд ли могли бы собрать в собственной стране.

Война потребовала большого напряжения сил молодого Русского государства. Попытка прорваться к морю стоила Руси двадцати лет огромных военных усилий. И в тот момент, когда русские, казалось, были ближе всего к осуществлению своей цели, против Грозного выступил новый сильный противник. На трон Польши был избран сеймом семиградский владетельный князь Стефан Баторий — опытный воин, обладавший дипломатическим талантом и прекрасными организаторскими способностями. Баторий реорганизовал свое войско по западноевропейскому образцу, на вербовав солдат во всех странах Европы: немцев, бельгийцев, шотландцев, французов, итальянцев — жадных искателей легкой военной добычи. Основу его армии составляли наемные немецкие и венгерские полки.

Баторий создал сильную пехоту и усовершенствовал артиллерию. Ему принадлежит введение в военную технику раскаленных ядер, впервые примененных им при осаде Полоцка. Все это позволило Баторию применить наступательную тактику. В 1579 г., после длительной осады, он взял Полоцк и в следующем году — Великие Луки, Заболотье и Остров. Вслед за этим он предполагал ввести свои войска непосредственно в центральные области Руси, чтобы заставить русских навсегда отказаться от Ливонии. Одной из главных целей его похода был Исков, который он объявил ключом к Ливонии.

Баторий двинулся на восток. Не зная цели его похода, Грозный вынужден был раздробить свои военные силы: часть их пришлось послать к Новгороду, часть к Искову, часть к Кокенгаузену, часть к Смоленску. Большое войско необходимо было оставить на юге, чтобы заслонить Москву от возможных нападений крымского хана. Опасались также восстания татар в Астрахани и Казани. С севера угрожала Швеция, военная сила которой неуклонно росла. Шведы отняли у русских Кексгольм, Падис и Везенберг.

Ранней осенью 1580 г. войска Стефана Батория подошли к Искову.

«Любуемся Исковом. Господи, какой большой город! тиню Парик! Помогли нам Боже с ним справиться», — записал в своем дневнике участник похода Батория ксендз Пиотровский. «Пушки у них отличные, — отмечает Пиотровский, — и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок потпавесных фунтов, величиною с голову: достается нашим батареям и насыям!»

Для защиты Пскова в нем было собрано 7000 конницы и около 50 000 пехоты, считая и посадский люд, несший военную службу. К счастью, Иван Грозный не успел увести из Пскова в Ливонию осадные орудия, как это первоначально им намечалось. В Пскове осталась многочисленная артиллерия, в числе которой были и огромные пушки. «Трескотуха» и «Варе».

Воеводами в Пскове были двое Шуйских — Василий Федорович и Иван Петрович. Посылая их воеводами в Псков, Иван Грозный взял с них клятву, что они не сдадут города врагу. И воеводы остались верны своей клятве.

Когда 26 августа войска Батория начали окружать город, псковичи открыли сильную стрельбу, и неприятель должен был отступить в лес. Но ядра постигали его и там. Псковичи не прекратили стрельбы и ночью. Войска Батория должно было, не дожидаясь утра, отойти еще дальше и стать за буграми. С каждым днем огонь русской артиллерии усиливался, изматывая войска Батория. «Король очень озабочен. Ядра, летающие с башен, становятся все больше и больше, — записал Пюотровский в своем дневнике, — некоторые переходят за 50 фунтов весом; бог знает, выдержат ли наши туры...» Еще через несколько дней Пюотровский пишет уже не об одной только артиллерии: «Ядер и пороху должно быть там большой запас. Нужно усердно молить бога, чтобы он нам помог, потому что без его милости и помощи нам не получить здесь хорошей добычи. Не так крепки стены, как твердость и способность обороняться...».

«Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих: не довольствуясь безостановочною пальбою, они бросают в окна факелы и каменные ядра, так что не только причиняют вред нашим, но и освещают местность около стен и тем заставляют наших работать под навесами — иначе все видно. Переговариваются также с нашими со стен... мы, говорят, не сдадимся, а похорошим вас в ваших же ямах, которые вы, как псы, роете против нас».

На созванном Баторием военном совете решено было торопиться с решительным приступом. Местом приступа выбрали участок стен между Покровскою и Свинусскою башнями. Против Покровской башни были поставлены поляки, против Свинусской — венгры, против Петровской — литовцы. Между поляками и литовцами были рас-

положены немцы. Войска Батория деятельно вели осадные работы — копали «великие борозды» (траншеи), с помощью которых стремились приблизиться к городским стенам.

7 сентября 1580 г. многочисленная осадная артиллерия Батория открыла огонь из всех пушек. Он был направлен лишь против одного участка стены. Бомбардировка увеличилась успехом. Рыхлые псковские известняки рассыпались. Пыль вздымалась столбами. «О, боже, какой сегодня грохот! Стены клубились, как дым... — пишет Пиотровский. — Из города стреляют тоже недурно, но из названных двух башен (Свинусской и Покровской. — Д. Л.) русские должны были поспешно убрать орудия в другое место и прекратить пальбу».

Беспрерывная бомбардировка Пскова продолжалась день и ночь. Стена между Покровскою и Свинусскою башнями была разрушена до основания на протяжении 24 сажень. Покровская и Свинусская башни были значительно повреждены. В других местах было разбито 69 сажень городской стены.

Работая день и ночь всем городом, — мужчины, женщины и дети под градом ядер торопились возвести за разрушенными вторые стены.

На следующий день ярко светило солнце. День был жаркий. Король, довольный результатами бомбардировки, поздравил псковичей с хорошим началом. Король обещал дать им обед в Пскове. Какой-то гайдук сообщил королю, что стены разрушены и что по обвалам войска легко войдут в город. Король щедро наградил гайдука. Итурм казался почти безопасным. В нетерпении венгерцы настаивали идти на приступ как можно скорее. Пять знатных ротмистров явились к Баторию и просили позволить их отрядам сойти с коней и принять участие в приступе. Король охотно согласился. Все торопились войти в город, чтобы первыми принять участие в общем грабеже.

«Вот ударили в литавры, сзывая конные роты, — пишет Пиотровский. — Когда наступил условленный час, мы все выехали из лагеря. Король стал над рекою Великой, очень близко от венгерских окопов, почти на безопасном месте. Роты конницы расположились над лагерем, с той стороны города; добровольцы со своими знаменами направились в траншеи. Немного спустя открыт был огонь из наших пушек и ручного огнестрельного оружия по той

части стены, которая оставлена между проломами, с целью отвлечь внимание русских стрельцов, стоявших на башнях, и тем дать возможность нескольким десяткам наших охотников подойти под выстрелами к проломам. Но лишь только охотники двинулись, как другие в нетерпении бросились за ними; впереди венгерцы, за ними — немцы, за немцами — толпы паших, без всякого порядка».

Каждый опасался уступить свою долю легкой военной добычи.

Псковичи встретили врагов ожесточенной пальбой из пушек и пищадей. Возбужденные сопротивлением, войска Батория быстро наступали. В проломах завязалась яростная схватка. Венграм и немцам удалось захватить Свинусскую башню, полякам — Покровскую. Четыре вражеских знамени разом были выкинуты на псковских стенах. Папы уже собирались поздравить короля с окончательной победой... В этот момент перед солдатами Батория, взобравшимися уже на городскую стену и пробившимися в проломы, открылась неожиданно для них картина: за высоким обвалом старой стены и рвом выселись новые стены, возведенные защитниками города за одну ночь. Русских за стеною было множество: все псковичи вышли оборонять свой город.

Ядра и камни градом посыпались на врагов. Пушки псковичей, поставленные на новых стенах, гремели беспрерывно. Поляки стреляли, но не причиняли вреда русским, защищенным новою стеною. Псковские воеводы поставили на стенах огромную пушку «Барс», навели ее на Свинусскую башню. Меткие попадания огромных ядер обрушили верх башни на поляков. Затем псковичи подложили под нее пороху и головни. Деревянные связи загорелись, и вскоре вся башня рухнула на засевших в ней врагов. К вечеру солдаты Батория были вытеснены псковичами из проломов стены.

На глазах у Батория были разбиты отборные отряды его войска, мимо него проносили большое число изувеченных и убитых солдат.

«Не знаю сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят... У нас и фельдшеров столько нет, чтобы ходить за ранеными», — писал Пшотровский.

Избалованный военным счастьем Баторий в первый раз встретился с таким ожесточенным отпором: его войско

было сильно потрепано, порох и ядра израсходованы. «Русские в проломах, сделанных нами, — сообщает Пиотровский, — снова ставят срубы и туры и так хорошо направляют их, что они будут крепче, нежели были прежде». «Помогли нам боже! Решительно не понимаю, как это у москалей достает пороху и ядер; видно у них нет недостатка как у нас: стреляют день и ночь...»

Мужественное сопротивление осажденных подрывало дух войска врага, лишало его надежды захватить Псков. Положение казалось почти безнадежным: «Одно знаю, — пишет Пиотровский, отражая общее настроение, — что пока не будет пролома, ничего не сделаем, а если и войдем через пролом в город, то в городе еще две отдельные крепости, защищенные стенами и башнями, на которых довольно орудий: их нам также придется проламывать и брать. Господи! помоги нам».

Баторий упрямо продолжал осаду. Он беспокоил псковичей частыми приступами и увещевал их сдаться. Предложения о сдаче, посланные в Псков, были с негодованием отвергнуты. Русские повесили на городской стене одного венгерца и кричали осаждавшим: «видели, как висит венгерец? всех вас так повесим!». «Какой этой король у вас? Ни пороха, ни денег не имеет! Подите к нам: у нас и пороха и денег, всего много».

В половине сентября поляки с разных сторон начали рыть подкопы. Псковичи узнали о подкопах и чтобы перехватить их начали рыть глубокий ров вдоль стены, устраивали всюду подземные коридоры навстречу польским. Подземная война также кончилась неудачно для войск Батория. Ценою огромного физического напряжения псковичи переняли один подкоп за другим. Баторий подверг город ожесточенной бомбардировке раскаленными ядрами с целью произвести в городе пожары и вызвать панику. Но население Пскова мужественно тушило один пожар за другим. Бомбардировка оказалась безрезультатной.

Тяжелые работы и непрестанные тревоги сильно изнуряли осажденных. В городе начались повальные болезни.

Наступили морозы. Река Великая покрылась льдом. В конце октября Баторий отослал по льду гайдуков с кирками и лопатами, приказав им подкопать грозную Покровскую башню так, чтобы она обрушилась в реку. Гайдуки начали подкапывать башню, прикрываясь ши-

тами. Псковичи лили на них кипяток и зажженную смолу, бросали кувшины с порохом; но гайдуки успели вкопаться в стену и продолжали работу.

Тогда против гайдуков псковичи придумали новое оружие: на конец шеста навязывали веревку с острым крюком, закидывали ее на гайдуков и выуживали добычу на стены.

Морозы становились все крепче. Русские начали партизанскую войну. «Дождались мы такой зимы, — писал Пнотровский, — какая у нас в конце января, а говорят, морозы будут еще сильнее. Все мы хоронимся в земле, как звери. Платья, шубы и не спрашивай. Провиант добываем за 12 миль от лагеря, да и то с большою опасностью. Русские захватывают лошадей, слуг, провиант и все прочее. Дай бог, чтобы королю и гетману удалось благополучно вывести отсюда войско». «Все труднее становится доставать провиант...» «У нас уже нет провианта...»

Между тем и псковичи терпели крайнюю нужду и были доведены до крайнего истощения. Бедный люд умирал от голода. Стрельцы питались только хлебом и водой. Но мужество псковичей не ослабевало. Они непрерывно делали вылазки, причиняли неприятелю большой урон сильной стрельбой, ставили новые городские стены. Неудовольствие и ропот в войсках Батория возрастали с каждым днем.

29 октября начался новый ожесточенный штурм Пскова. Пушечная пальба длилась без перерыва пять дней. Сотни ядер крошили стены Пскова и громили город.

2 ноября войска Батория пошли на приступ. Ожесточенное сражение, стоившее врагам больших потерь, закончилось победой храбрых защитников Пскова: они отбили и этот приступ.

Ропот в королевском лагере усиливался. Какой-то русский мальчик пробрался из Пскова в лагерь Батория и пытался его поджечь. Его поймали. «Бог знает, не выщлют ли псковичи в лагерь еще таких поджигателей», — пишет Пнотровский. Баторий, чтобы хоть в какой-либо степени вознаградить себя за неудачи, попытался захватить Псковско-Печерский монастырь, находившийся вблизи Пскова. Началась осада монастыря. Старики-монахи со стен монастыря кричали врагам, что если они хотят сражаться, то шли бы ко Пскову, где найдут себе равных соперников, а не воевали бы со стариками.

Немцы из войска Батория пробили в стенах монастыря проломы, приставили к башням тяжелые лестницы. Венгерцы, немцы и поляки бросились на приступ. Но монахи отбили неприятеля, захватив пленных.

Поляки пытались подействовать лестью. Польский воевода прислал защитникам монастыря в подарок дорогую икону, выражал восхищение их мужеством и предлагал почетную сдачу. Но не помогла и лесть. Морозы вынудили неприятеля прекратить осаду монастыря.

Между тем положение армии Батория под Псковом стало worse и worse. «Войско дошло до положительной нищеты и никогда столько не переносило, как теперь, — записывает в своем дневнике Пиотровский. — Продовольствия почти нет никакого, да не откуда и привезти. Сено едва получаем за 20 миль от лагеря. А сколько тут неприятностей и трудностей с перевозкой! Одежды и денег положительно не откуда взять».

Баторий был серьезно озабочен. «Совет за советом, кого бы выбрать в послы для переговоров с русскими. Но советы собираются втихомолку. Видно некоторые отказываются. Все усилия употребляем, кажется, чтобы заключить мир, да домой отправиться вслед за королем; пусть наши земляки дома рассудят, как уплатить долги», — писал Пиотровский. Но и Иван IV, вынужденный в это время вести войну с несколькими противниками, тоже искал мира.

В ноябре в лагерь Батория приехал иезуит Антоний Поссевин, присланный папой Григорием XIII, взявшим на себя по просьбе Ивана Грозного посредничество между Московским государством и Речью Посполитой. Поссевину поручено было начать переговоры о заключении мира. Но пока длились переговоры, борьба за Псков не прекращалась.

Весь декабрь прошел в ожесточенных схватках под стенами Пскова. Один из пушкарей Батория перебежал в Псков и оттуда метко стрелял по королевскому шатру и шатрам воевод. «Боже, какие наступили страшные морозы! Хаты наши трещат от них. Несколько человек, свалившихся от холода с лошадей, совсем замерзли. Один бог знает, что будет далее. Отовсюду на нас беды: голод, болезни, падеж лошадей...» — жалуется Пиотровский.

Вылазки псковичей усилились. Сильнейшую и послед-

ною вылазку псковичи сделали 4 января 1582 г. Псковичам удалось побить и взять в плен много врагов.

15 января 1582 г. в Киперовой горке в Запольском Яме (около Пскова) между Москвой и Речью Посполитой было подписано перемирие, по которому обе стороны отказались от своих завоеваний. Через три дня боярин Хрущев явился в Псков с вестью о перемирии, а 6 февраля войско Батория с позором отошло от Пскова.

Псков оборонялся против огромного по тем временам, сотысячного войска Стефана Батория. Псковичи брали 231 приступ и сами произвели более 70 вылазок. Недаром Стефан Баторий следующим образом отзывался о русских царскому послу Поссевицу: «русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и загораждают пролом грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голода, но не сдаются». Мужественные защитники Пскова вполне были достойны этой характеристики.

Псковичам и впоследствии не раз приходилось видеть врагов под стенами своего города. В 1615 г. шведский король Густав Адольф осаждал Псков, но не имел успеха. Псковские посадские люди героически защитили свой город и отразили все приступы.

АЗОВ, ГОРОД КРЕПКИЙ

Обширные окраины Русского государства на юге и востоке издавна заселяло беглое население русских сел и городов, спасавшееся сюда от жестокой крепостнической эксплуатации. Беглецы эти, получившие название «казаки», т. е. «вольные люди», соединялись в военные товарищества, жили суровой боевой жизнью, занимались различными промыслами, охотой, рыбной ловлей, торговлей, а больше всего — далекими походами за «зипунами», как называли казаки военную добычу.

На востоке казаки еще в XVI в. перешли «Камень», т. е. Уральский хребет, и пустынными реками в тайге продвигались все далее и далее на восток, к Тихому океану. Захватывая богатую военную добычу, казаки проникали за тысячи верст от жилых мест, куда не ступала еще нога русских. Смелые «землепроходцы» из казаков доходили до границ Китая, ездили и в самый Китай, встречались с японцами, шли на север, проникали на острова Тихого океана, на Камчатку, затем в Северную Америку, подвели «под высокую руку московского государя» жителей Аляски, спускались на юг до далекой Калифорнии. Прокладывая пути для русских купцов и искателей легкой добычи, казаки сражались с индейцами, охотились, собирали сведения о далеких странах. Это были мужественные завоеватели, необычайно смелые путешественники, не брезговавшие грабежом, а порой отличавшиеся и необычайной жестокостью.

На юге казаки спускались по Волге в Каспийское море, нападали на персидские суда, опустошали прибрежные города и села Персии. В Черном море казаки нападали на берега Турции, Крыма, Кавказа, захватывали турецкие морские караваны, наводили ужас на самый Константино-

поль, не раз заставляя турецкого султана обращаться в Москву с мольбами унять казаков.

Закаленные в частых стычках с врагами, казаки составляли боевое ядро вооруженных сил крупнейших восстаний и крестьянских войн XVII и XVIII вв., вожди которых выдвигались из их среды (Разин, Булавин, Пугачев). Казацкие войска не были однородны. Среди них были и зажиточные, успевшие разбогатеть в походах и торговлей, была и голытьба, бежавшая с разных концов Руси от гнета усилившегося крепостничества.

В казацкой среде имелась своя книжность, своеобразная художественная культура, свой фольклор: исторические песни, лирика, легенды, сказания. В Сибири казаки вели летопись походов Ермака (казачьи записки сохранились в составе так называемой Ремезовской летописи). Сохранились описания путешествий, составленные казаками в XVII в., — по Сибири и в Китай. Особенно замечательны казацкие повести об осадном сидении казаков в Азове. Повествования эти принадлежат к лучшим произведениям древнерусской литературы. Они близки к народной поэзии; иногда в них звучат отголоски поэтического стиля «Слова о полку Игореве». Содержание их — героическая оборона казаками Азова.

Турецкая крепость Азов закрывала казакам выход из Дона в Азовское море и лишала их возможности совершать набеги на побережье Черного моря, отрезала их от старых рыбных ловель, которые являлись видным источником казацких доходов. Воинственное казачество не могло примириться с этим и не раз совершало нападения на Азовскую крепость.

В 1637 г. казаки без ведома и согласия царя Михаила Федоровича, находившегося в мирных отношениях с турецким султаном Мурадом, напали на Азов и овладели им. Мурад намеревался отобрать Азов у казаков и готовился к походу, но умер в 1640 г. В мае 1641 г. наследник Мурада Ибрагим I направил под Азов 240-тысячное войско и многочисленную артиллерию. Сто пятьдесят галер, столько же фрегатов, двести чаек и карамурзалей¹ — всего 500 судов снялись в Анапском порту с войсками, чтобы идти на Азов и запереть его с моря. Тысячи подвод

¹Карамурзали — «черный вестник» — защитного цвета суда, очень быстрые на ходу.

сопровождали войска, двигавшиеся по берегу. В турецком войске находились военные специалисты — «городоимцы» из всех стран Европы.

«От силы их многие и от рискаания их конского земля у нас под Азовом потряслась и погнулася; из реки у нас, из Дону, вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла», — описывали казаки приход турецких войск под Азов.

В Азове в это время находилось 5367 мужчин-казаков и 800 женщин-казачек, помогавших своим мужьям и братьям готовиться к обороне.

Турки потребовали очистить Азов и, напомнив казакам о своей многочисленности, угрожали отдать их «на муки лютые и грозные», раздробить «плоть на крошки мелкие». Вместе с тем, в случае добровольной сдачи, казакам обещали не только полное прощение, но даже предлагали им переход на турецкую службу и высокие награды.

На это казаки отвечали, что никто с них даром зипунов их не снимал, удивлялись, куда это царь турецкий Ибрагим «ум свой дел», предлагая им сдачу, и заявляли, что разговаривать «с худым свиным наймитом» — турецким султаном — будут лишь «пищальми казачьими, да сабельками острыми», а «мир с царем турецким» может быть заключен только если казаки возьмут Царьград. Турецким пашам казаки писали, что их не страшит осада: «Кормит нас, молодцов, и поит тихий Дон Иванович на поле водою свежую, и рыбами живыми, и зверьми дивными. Питаемся мы, аки птицы небесныя; ни сеем, ни орем, ни в житницы собираем. Так питаемся подле моря Черное. А злато и серебро емлем у вас за морем: то вам самим ведомо. А жены себе красныя и любимыя водим и выбираем от вас же, из Царяграда» — насмеваются казаки.

«Казачество Донское, вольное, свирепое» решается защищать Азов «хотя всем до одного человека помереть». Казаки были кровно заинтересованы в удержании за собой Азова.

Заняв Азов, казаки разослали призывную войсковую грамоту: «Езжайте в Азов к войску, днем и ночью, немалыми людьми, на помощь; в городках не многих людей оставляйте, съезжайтесь городков 5—6 в одно место с семьями, чтобы, съехавшись, станицы жили с великим бережением... А кто к войску на помощь не пойдет, тому в войске и суда не будет». Первые отряды казаков, при-

бывшие на помощь к азовцам из всех казачьих городков, были восторженно встречены в городе.

Чтобы не дать казакам пробираться в Азов, турки установили на берегу множество пушек. Однако казаки бросались в Дон и плыли под водою на спине с камышом во рту: оружие и одежду они складывали в кожаные мешки, которые, пlying, тащили за собою. Туркам пришлось перегородить Дон частоколом, через который не было проходу даже рыбам.

Первый приступ стоил турецкому войску огромных жертв. Впереди пошли на штурм два полка немецких наемников, за ними бросились янычары (турецкая гвардия) и «вся орда». Казаки подпустили штурмующих на близкое расстояние, а затем открыли такую стрельбу, что «дым топился до неба». От множества врагов обвалились казачьи подкопы, которые они провели в поле для вылазок. Из-за огня и дыма казаки не видели друг друга. «И уста наши кровью запеклись, не пиваючи и не едаючи», — писали казаки.

Едва прекратился штурм, как казаки, не дав опомниться разбитому врагу, сами вышли на вылазку и побили в ней множество турок. «То вам, собакам, из Азова-города от нас казаков игрушка первая! — писали неукротимые казаки туркам. — Лише мы, молодцы, оружие прочистили. Всем вам, бусурманам, от нас тоже будет! Иным нам вас потчевать нечем: дело осадное».

Мужественно отражая один приступ за другим (всего турки 24 раза штурмовали Азов), казаки и сами предпринимали постоянные вылазки, держа в постоянном напряжении и страхе турецкое войско. Турки, имевшие под Азовом 674 пушки, принуждены были сковать цепями весь свой артиллерийский наряд, боясь, чтобы казаки во время вылазок не захватили пушек.

Но не одним лишь мужеством и твердою решимостью оборонить Азов от турок брали верх казаки. Они были искусными воинами, прекрасно владевшими своим оружием. Поэтому-то и удастся казакам свести на-нет все «хитрости» и «замышления» своих врагов. Турки начинают «вести гору вешнюю, земляной великий вал», но казаки сумели «подкопаться под ту их гору», взорвать ее турецким же порохом вместе с засевшими на ней врагами.

Турки, поставив свои пушки на горе, били из них 16 дней и 16 ночей по Азову так, что «все азовские кре-

пости потряслись, стены и башни и церковь Предтечева и палаты все до единыя позбиты по подошву самую, и наряд пушечный (казачий) переломали». Но казаки устроили себе большие подземные помещения и не только отсиживались в них во все время бомбардировки, но из этих «потайных дворов» провели 28 подкопов и ночью выходили через них на вылазки.

Тогда турки в свою очередь повели против Азова подкопы, но казаки «устерегли» все турецкие подкопы, подвели под них ходы и взорвали турок.

Турки решились снова штурмовать Азов. Они стали бомбардировать город «огненными» и «чинными» ядрами, применили «всякие немецкие приступные мудрости». На приступ Азовской крепости двинулось все турецкое войско. «Такого смелого и жестокого приступа не бывало к нам. Ножамы мы с ними резались в том приступе» — пишут казаки.

Не добившись успеха, турки решили, пользуясь своим численным превосходством, измотать казаков непрерывными приступами. С утра и до вечера отряд в 10 тысяч человек штурмовал Азов. Ночью начинался новый приступ, новыми 10 тысячами солдат. 14 дней и 14 ночей продолжался непрерывный штурм Азова. «Уже ноги под нами подогнулись, и руки наши замерзли, и глаза у нас порохом выжгло от беспрестанной стрельбы; язык уже наш во устах наших на бусурман закричать не воротится» — писали казаки.

«Великое Донское-Запорожское свирепое войско» начало уже было прощаться с жизнью. «Простите нас, леса темные и дубравы зеленые! Простите нас, поля чистые и тихие заводи! Простите нас, море синее и реки быстрые! Прости нас, государь наш, тихий Дон Иванович! Уже нам по тебе и атаману нашему с грозным войском не ездить, дикого зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать!»

Однако, прощаясь с жизнью, «неукротимое войско Донское» не думало ослаблять оборону. Казаки дрались на стенах с тем же ожесточением, как и в первые дни осады. Между тем наступили морозы. «Мороз был так велик, — пишет турецкий путешественник Эвлия, — что все мусульманские воины отчаялись его перенести». Турки решили снять осаду и прекратили непрерывный приступ. Тогда казаки, изнемогавшие от усталости, сами бросились

на врагов, преследуя отступающих. Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство. Остатки турецких сил «от страха великого побежали к морю синему». При посадке на корабли поднялась страшная давка, многие были раздавлены, многие утонули в море.

Осада Азова, оборонявшегося небольшими силами русских, окончилась, таким образом, для огромного турецкого войска полным поражением.

Все же, как ни успешно обороняли казаки Азов от турок, Москва, заинтересованная в сохранении мира с Турцией, настояла на том, чтобы казаки добровольно вернули Азов туркам. Печально покидали Азов казаки, где столько их товарищей, отцов, сыновей и братьев пали себе героическую смерть.

Только через полстолетия Петр I, ясно понимавший значение Азова как ключа к Черному морю, предпринял во след казакам, один за другим (в 1695 и 1696 гг.) свои знаменитые Азовские походы: 18 июля 1696 г. петровские войска взяли крепость Азов.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В 65 километрах к северу от Москвы находится основанный в XIV в. Троице-Сергиевский монастырь (ныне Загорск).

Превращенный в последние годы в государственный музей-заповедник Сергиевский монастырь (Троице-Сергиевская лавра) — один из замечательнейших памятников русского прошлого.

Владевший огромными земельными угодиями на севере, северо-востоке и в Подмосковной области Троице-Сергиевский монастырь играл крупнейшую роль в хозяйственной, политической и культурной жизни Руси. Из его стен выходили колонизаторы севера и северо-востока, вырубавшие леса, врезавшиеся в лесные чащи, поднимавшие целину. Сергиев монастырь был в то же время одним из замечательнейших культурных очагов древней Руси. Начало его знаменитой мастерской письма восходит еще к XIV в. Работавшие в ней многочисленные писцы и великолепные мастера-живописцы создали собственную школу книжного письма и миниатюры. Монастырское книгохранилище (создание его также относится к XIV в.) — богатейшая сокровищница древнерусской книжности. Монахом Троице-Сергиевского монастыря был один из образованнейших представителей ученой книжности первой четверти XV в. Епифаний Премудрый — автор житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского.

В Троице-Сергиевском монастыре работали лучшие художники-иконописцы древней Руси: Андрей Рублев, Симон Ушаков и др. В художественном творчестве Андрея Рублева нашли свое выражение наиболее яркие черты русского народного искусства. Рублев — гениальный художник, имя которого может быть поставлено в ряду вели-

чайших мастеров мирового искусства. Его произведения по праву сравнивали с лучшими творениями европейских художников, с величайшими памятниками древней Греции.

Народ окружил имя Рублева легендой, а его произведения стали образцами для мастеров последующих поколений. Творчество Андрея Рублева, как и «Слово о Полку Игореве», — величайшие явления древнерусской художественной культуры.

Троице-Сергиевскому монастырю принадлежит одно из величайших произведений мирового искусства и одно из лучших творений Рублева — икона Троицы. Необычайная сила и выразительность художественного образа и в то же время задушевность, мягкость и гармоничность, какая-то только гению Рублева свойственная интимность и в то же время строгость письма характеризуют это изумительное произведение древнерусского живописца.

В монастыре сложилась и собственная школа шитья, достигшая необычайной тонкости исполнения. Мастера Троицы создавали тончайшие резные изделия по дереву, кости, отливали и чеканили великолепную церковную утварь.

Блестящие страницы вписал монастырь и в историю древнерусской архитектуры.

Архитектурный ансамбль монастыря как бы развертывает перед зрителем всю историю древнерусского зодчества — от белокаменных владимиро-суздальских построек (Троицкий собор построен в 1422 г.) до вздымающейся вверх легкой и воздушной колокольни, построенной по проекту Растрелли (XVIII в.). Пестрая гамма монастырских построек на фоне окружающей зелени, среди выросшего под крепостными стенами посада, так же радостна и многокрасочна, как и пестрые маковки и кровли московских построек XVI в. и лучшего образца московского зодчества той поры — храма Василия Блаженного.

Обнесенный первоначально тыном монастырь был окружен затем бревенчатыми стенами, которые в 1540—1550 гг. сменились мощной каменной крепостной стеной.

О крепостной стене монастыря так рассказывает посетивший Москву в 1654 г. знаменитый путешественник Павел Алеппский: «Стена эта в четыре яруса: нижний, в уровень с землей, состоит из помещений, наполненных пушками; верхние ярусы назначены для помещения войска и для сражения. Толщина стены, соответствующая

ширине свода, составляет около 10 локтей. Амбразуры по окружности ее бессчетны и разных видов: одни с наклоном вверх, другие направлены прямо, а большая часть идет кругом по низу, так что и птица не может укрыться внизу [стены]... Что касается башен, то в стенах Антиохии не найдется ни одной подобной им по величине, высоте, по их восьмиугольной форме, по устройству множества камер, отверстий и амбразур с пушками... Поистине монастырь вполне неприступен. Вход... похож на вход Алеппской крепости. Пушки с той и другой стороны выходят на рвы...».

В первоначальном виде сохранилась до настоящего времени только часть северной стены; 10 же башен, выступавшие красными пятнами на фоне белых стен, разнообразные как по форме, так и по орнаментации, сооружены уже после знаменитой осады лавры 1608—1610 гг.

Троице-Сергиевский монастырь был крупнейшим феодальным земельным собственником. Быстро росли земельные угодия монастыря за счет щедрых княжеских пожалований, многочисленных вкладов и дарений, а также и за счет прямых захватов. Монастырь владел большим числом сел и деревень, различного рода промыслами. Принадлежали ему и городские усадьбы, которые завещались монастырю или отдавались ему при жизни теми, кто искал у него покровительства и защиты.

Быстро росло и число монахов: одни уходили в монастырь добровольно, другие спасались в нем от военной службы и политических бурь, третьих, наконец, князья, «жалуя от казни», постригали насильно, чтобы избавиться от непокорных слуг. Непокорных ссылали и на север, в подчиненные Сергиеву монастырю — «в смиренье».

Являясь почти независимым феодальным владением, монастырь, свободный от вмешательства светских властей, в своих владениях обладает неограниченной властью, в том числе и судебной. В нем ищут защиты от княжеского и царского суда и опальные бояре; здесь судятся они и с своими крестьянами.

Множатся и принадлежащие «отчему» младшие монастыри, которыми «духовне и телесне» управлял троицкий архимандрит — монастыри-колонии, основанные монахами Сергиева монастыря. Уже в XIV—XV вв. их насчитывают 15, главным образом на севере и северо-востоке, в глухих лесах и болотах. Были и приписные монастыри,

становившиеся под защиту сильной и богатой Троицкой обители; наконец некоторые мелкие монастыри, расположенные поблизости от Троице-Сергиева монастыря, силой захватываются этим последним. В начале XVII в. насчитывается более 20 таких приписных монастырей.

Крестьяне близлежащих сел кормились монастырем и обстуживали его: так, большое село Клементьево, в котором в конце XVI в. было 200 дворов и через которое лежал путь из Москвы к Троице, составляло, собственно, начало Сергиева посада. Здесь был большой торг, пошлины с которого поступают в монастырскую казну.

С течением времени село превратилось в ряд слобод: иконную, поварскую, тележную, кокошениную, стрелецкую, служную и т. д. Здесь же, как и в других селах, жили монастырские слуги.

При монастыре существуют слуги «лучшие» и «средние» — конные и «молодые» — пешие, а также работные люди, которых со сторожами, конюхами и рыболовами насчитывалось в конце XVI — начале XVII в. более 700 человек. Монастырских агентов можно было видеть на самых далеких окраинах русской земли, в различных областях Московского государства, — там, где были троицкие земли-вотчины и троицкие подворья: и в Вологде, и в Тотьме, и в Устюге Великом, и на Сухоне, и в Астрахани. Они закупали для монастыря хлеб, рыбу, торговали солью из монастырских солеварниц, собирали доходы с монастырских владений, пошлины, отданные монастырю царем, например, с конской площади в Казань, где при продаже лошадей кладут на них царское «пятно».

В руках монастыря скопились огромные богатства, о необычайных размерах которых слагаются в народе легенды. Иностранцы сообщают, что доходы Сергиевского монастыря составляют одну треть царских доходов и что монастырь везде имеет собственные таможи. О богатстве и сокровищах Троице-Сергиевского монастыря так рассказывает Павел Алеппский: «В ризнице... мы видели священнические облачения и утварь из золота и серебра с драгоценными камнями — вещи, поражающие ум изумлением и удивляющие умного более глупца... Ризы, пелены, кадильницы, чаши и диски из золота и пр.». «В этом монастыре находится; — говорит он, — много сокровищ от времени прежних князей и следовавших за ними царей до сей поры (1654). Посему этот монастырь не имеет

себе подобного не только в стране Московской, но и во всем мире». В одной Москве у монастыря было 130 домов, в том числе богатое Троицкое подворье. Оно находилось в самом Кремле по правую сторону Троицких ворот среди приказов и по соседству с царским дворцом. Здесь часто жил троицкий игумен. Здесь жил во время осады монастыря поляками знаменитый келарь монастыря Авраамий Чалицкий, который оставил нам подробное описание славного 16-месячного «сидения» монастыря, его осады польскими воеводами Сапегой и Лисовским.

Если в мирное время монастырь скопидомно и хозяйственно накапливал свои богатства, нередко притесняя меньшую братию и эксплуатируя зависимое от него крестьянство и бедный люд, то в тяжелые годы общенародных бедствий и испытаний тот же Троице-Сергиевский монастырь становился центром, куда со всех концов Руси стекалось огромное множество людей, чтобы отстаивать свободу и независимость родной земли.

Не раз монастырь подвергался нашествиям вражеских полчищ. Дотла сожгли его после разгрома Владимиро-Суздальской земли орды татарского хана Едигея в 1409 г.; по щедро одариваемый князьями и боярами монастырь быстро отстраивался вновь: уже через три года был полностью восстановлен и даже значительно разбогател.

Еще сам основатель монастыря, крупнейший политический деятель Руси XIV в. Сергей Радонежский прекрасно понимал, что для освобождения русской земли от ненавистного татаро-монгольского ига необходимо единение земли русской, уничтожение феодальной раздробленности и княжеских усобиц. Вдохновляя князя Дмитрия Донского на битву с «погаными» полчищами Мамаю, Сергей едет сам убеждать нижегородского князя отказаться от его губительной антирусской политики и добивается также резкой перемены в поведении самого крупного и опасного противника Донского — князя Олега Ивановича Рязанского. Олег, изменивший общему русскому делу на Куликовом поле, шедший на Русь вместе с Мамаем, резко меняет свои позиции в последующие годы. Обороняя свою отчину — Рязанское княжество, восточную Украину Руси, — Олег становится на защиту всей русской земли от своих прежних союзников — татар и Литвы.

Но самой мужественной и героической была борьба

Троице-Сергиевского монастыря с польской интервенцией в начале XVII в.

Разбогатевшие в постоянных грабительских походах на прибалтийские, литовские, белорусские и украинские земли польские паны с вождеством взирали на богатства восточного соседа. Мелкая шляхта мечтала о разбое и легкой наживе в походах на Московию, крупные магнаты — о захвате земель.

План подчинения русского народа был разработан еще после перемирия, заключенного Стефаном Баторием в 1582 г. Было получено и благословение римского папы; но начать немедленно войну паны не решились. В начале XVII в. наступил благоприятный, с их точки зрения, момент. При этом решено было применить прием, излюбленный немецкой и польской дипломатией того времени, — выдвинуть самозванца и использовать его в своих целях.

Первая польская интервенция и авантюра Лжедмитрия I окончилась полным разгромом. Ведущая роль в разгроме интервентов принадлежала широким народным массам. Вскоре вслед за этими событиями 1605/06 г. на Руси начинается стихийное крестьянское движение, возглавленное Болотниковым и поддержанное посадскими людьми. Было много недовольных боярским князем Василием Ивановичем Шуйским (1606—1610 гг.) и среди служилых людей — дворян. Во главе их стал Истомка Пашков. В Рязанской земле подняли восстание братья Ляпуновы. Движение Болотникова, разбившего царские войска под Кромами, нашло отклик и поддержку не только среди русского крестьянства: восстание охватило и народы Поволжья — мордву, татар, мари. Движение росло и ширилось, захватывая все новые и новые территории: Рязань, Новгород, Псков, Приуралье, Нижнее Поволжье. Болотников двигался на Москву. К нему присоединились рязанские отряды Ляпуновых. Подойдя к селу Коломенскому, Болотников рассылал «подметные письма» и своих людей с призывом к крестьянам и посадским людям восставать против бояр и богатых «гостей».

Часть дворянства, испугавшись все нарастающего крестьянского движения, переметнулась на сторону боярства. Болотников нанес поражение воеводам Шуйского и подступил к самой Москве, у которой 26 ноября 1606 г. и завязалась битва. Измена дворянских отрядов Пашкова определила ее исход: Болотников был вынужден отсту-

нить к Калуге, а затем, после новых боев, — к Туле, которая после долгой осады была взята царскими войсками. Крестьянское восстание было подавлено.

Положением, создавшимся на Руси, решили воспользоваться польские паны и вновь выдвинули с этой целью самозванца, уже второго по счету — Лжедмитрия II.

Новый самозванец объявился весной 1607 г. Главной силой его была польская шляхта. Взять Москву интервентам не удалось, и войско самозванца отступило и укрепилось в селе Тушине, в 12 километрах от Москвы, которую держало в осаде. Одновременно паны решили заняться грабежом других русских городов. Один из польских воевод — Ян Сапега решил захватить Троице-Сергиевский монастырь, чьи богатства представляли весьма лакомый кусок для этого жадного до золота авантюриста. Возможность взять Троицу, являвшуюся важным центром Руси, сулила ему громкую славу и тешила его честолюбивые замыслы. Но монастырь для тушинцев был не только лакомой добычей: им важно было захватить его и потому, что он стоял на перекрестке путей на север и восток, по которым двигались продовольственные обозы и товары на Москву, и потому, что это была первоклассная, по тем временам, крепость, стратегически важный опорный пункт.

Объединенные силы двух польских авантюристов — Яна Сапег и Лисовского в количестве более 30 тысяч человек подошли к стенам монастыря и начали его осаду 23 сентября 1608 г. Их войско включало и пехоту, и конницу, и артиллерию (не менее 100 орудий). Гарнизон крепости был ничтожно мал по сравнению с силами осаждавших: он насчитывал всего 600 человек служилых стрельцов и казаков. Если к этому прибавить еще 700 разных людей и монахов, то всего в монастыре способных носить оружие было около 1300 человек, не считая небольшого числа монастырских слуг и крестьян. И тем не менее монастырь героически выдержал 16-месячную осаду. В его обороне участвовали все, кто находился в монастыре, в том числе старики, женщины и даже дети. Сюда, под защиту монастырских стен, бежали крестьяне окрестных деревень, спасаясь от грабежей и насилий поляков, которые все сжигали и разоряли на своем пути. Эти люди, пополнившие собой малочисленные военные силы крепости, готовы были защищаться до последних сил.

Зная свое огромное численное и техническое превос-

ходство, паны, уверенные в неизбежном поражении русских, предложили монастырю сдаться. Салпега обратился к архимандриту Иоасафу и воеводам — окольным князю Григорию Борисовичу Роще-Долгорукому и дворянину Алексею Голохвастову — с посланием, в котором приказывал Иоасафу запретить попам и прочим монахам «учить воинство противиться царю Дмитрию Ивановичу» и велел молить бога за него и за царицу Марину Юрьевну, «а им бы город отворили безо всякой крови»; далее следовали угрозы: «а не покоритесь, так мы зараз возьмем замок ваш и вас беззаконников порубаем всех». Ответ осажденных был ясен и короток: «мы приняли писание ваше — и оплевали его!».

Началась осада. Осаждающие построили передвижные деревянные башни и вал и стали готовиться к штурму, все еще уверенные в том, что не встретят сильного сопротивления.

13 октября вечером начался штурм. Подпустив поляков к стенам, осажденные начали расстреливать их из пушек, поливать смолой, сбрасывать камни. Принужденный отступить неприятель вскоре обратился в бегство. Осажденные, выйдя из-за стен монастыря, преследовали врагов и захватили осадные башни и лестницы. Первый штурм окончился полным поражением интервентов. Началась длительная, упорная оборона монастыря с частыми вылазками, тревожившими неприятеля и наносившими ему весьма серьезный ущерб. Захватывались и пленные. От одного из пленников осажденным удалось узнать, что поляки ведут подкоп под стену, готовясь ее взорвать и через брешь в стене ворваться в крепость. Чтобы парализовать этот план врагов, осажденные начали строить вторую линию укреплений и снова произвели ряд вылазок.

Осажденные не только упорно защищались, но даже нападали, нанося все новые и новые удары врагу. История сохранила нам имена нескольких славных защитников монастыря. Монастырский служка Данило Селявин, которого много корили за измену брата, перешедшего в стан врагов, говорил: «хочу за измену брата своего живот на смерть переменить». Бросившись во время вылазки со своей сотней на врагов и уничтоживши в кровавой сече многих из них, он погиб сам от смертельной раны. Сражались не только ратники: люди, не искушенные в военном деле, никогда не державшие в руках оружия, «охрабри-

лись», и те, что у мучных жерновов были, «ленивые мелцы стали насупротивные удалые стрельцы». Суета, крестьянин села Молокова, огромного роста и силы, как-то заявил: «умру пыне или славу получу от всех», и в тот же день один с бердышом в руках дрался против огромного числа напавших на него врагов. 9 ноября 1608 г. во время вылазки двое крестьян села Кlementьева — Никон Шилов и Слота обнаружили вражеский подкоп; пробравшись в него, они взорвали его и погибли вместе с ведущими подкоп врагами. Вылазка эта была особенно удачной: небольшая горсть мужественных защитников монастыря прорвалась за стену его и захватила первую линию вражеских укреплений. Враг снова бежал, потеряв при этом более 1000 человек.

Понимая, что взять крепость штурмом не удастся, что осажденные не сдадутся и будут бороться до последнего человека, Сапега решил блокировать крепость, лишить ее подвоза продовольствия и воды. Но осажденные продолжали стойко держаться и бороться, почти ежедневно вновь и вновь предпринимая вылазки.

Настала суровая зима (1608/09 г.), а с нею и голод. В монастыре не было дров, чтобы отогреться и варить пищу. Жгли кровли, задние сени, чуланы, начали жечь житницы, но всего этого было мало; под неприятельским обстрелом пробивались в соседние овраги за хворостом — многие при этом погибали. Наконец от голода, стужи и страшной скученности началось моровое поветрие: в день хоронили по двадцать, тридцать, а затем и по сто человек. Не успевали копать могилы и не знали, что делать — хоронить ли мертвецов, защищать ли стены монастыря или выходить биться с врагом.

Несмотря на все ужасы осады, мужественно держались осажденные: все они поклялись сидеть в осаде без измены. «Если взята будет обитель преподобного, говорили Василию Шуйскому патриарх и весь священный собор, — то и весь предел российский до океана моря погибнет, конечно Москве теснота будет». Среди монастырских слуг и детей боярских были единичные случаи измены — перебежки в лагерь врагов, но зато из вражеского лагеря перебегало в монастырь немало казаков, которые сообщали о замыслах неприятеля. Среди защитников крепости крестьяне держались с особенной стойкостью и мужеством; именно они требовали непоколебимой борьбы до конца.

Авраамий Палицын, сидя в Москве на Троицком подворье, обратился к Василию Шуйскому за помощью для осажденных. Был выделен небольшой отряд в 60 человек под начальством Сухого-Осташкова, который с огромным трудом пробился в крепость и доставил ее героическим защитникам 20 пудов пороха, в котором они очень нуждались.

Время шло, а монастырь не сдавался. 28 мая 1609 г. был предпринят новый штурм крепости. На этот раз в ход была пущена вся первоклассная техника, которой владела тогдашняя польская армия: деревянные подвижные башни, стенобитные орудия, осадные лестницы, деревянные щиты, укрывавшие штурмующих.

Но и этот штурм оказался безрезультатным. На защиту крепости поднялись все до одного. Кипящими смолой и серой обливали пытавшихся влезть на стены и подымавшихся по лестницам врагов, засыпали их известью и камнями. Обессиленные, изголодавшиеся, они творили чудеса храбрости, не только оборонялись, но снова предпринимали вылазки, отгоняли от стен крепости врагов, захватывая у них при этом много оружия и снаряжения. Враг был снова отброшен.

На следующую почь враг попытался снова штурмовать крепость, но не только ничего не добился, но сам понес огромные потери — погибло более 5 тысяч поляков.

Осада грозила затянуться еще надолго. Ничтожная горсточка людей, умирающих от голода, холода, болезней (цынги), продолжала героически держаться, не желая сдаться ненавистному врагу. Ничто не могло сломить мужество и стойкость осажденных: не помогали никакие изощрения врага — ни уговоры, ни ложные слухи о взятии Москвы и переходе ее на сторону Лжедмитрия.

31 июля усиленные новыми отрядами, подошедшими из-под Твери, поляки снова предприняли штурм крепости. Всю ночь шла битва. Осажденных оставалась совершенно ничтожная горсточка, но они попрежнему были тверды, — враг снова не сумел одержать победы, штурм снова был отбит.

Наконец в декабре 1609 г. в монастырь было послано подкрепление — два отряда под начальством Жеребцова и Валуева.

4 января 1610 г., собрав последние силы, осажденные предприняли вылазку и разорвали кольцо осады. Соединив-

шись с посланным Скопиным-Шуйским подкреплением, они установили связь с Москвой.

12 января 1610 г. Салегга прекратил осаду и позорно бежал из-под стен монастыря, которым он безуспешно пытался овладеть в течение 16 месяцев.

Так бесславно закончилась почти 16-месячная осада многотысячным хорошо вооруженным и снабженным войском интервентов русского монастыря-крепости, которую, как знамя национальной независимости, чести и свободы, с поразительным мужеством, стойкостью и упорством защищала небольшая горсть русских людей, готовых на любые мучения, готовых отдать свою жизнь, но не сдаться врагу.

Монастырь устоял. «Не крепкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не множайшими, но малейшими» — писал Авраамий Палицын о защитниках крепости.

Монастырь стал после этого одним из центров борьбы с интервентами. Сюда привезли тяжело раненного поляками князя Пожарского. Изнуренный страшной осадой монастырь, услышав о грозном пожаре Москвы, сожженной поляками, послал ей на помощь 50 вооруженных слуг и 200 стрельцов. Отсюда рассылались в большом числе грамоты, призывавшие встать всей землей против насильников, захвативших русскую землю.

Одна из таких грамот «со многим молением о поспешении на иноплемennых» достигла Нижнего-Новгорода, где она была торжественно прочитана в соборе, вслед за чем последовало знаменитое обращение к нижегородцам Кузьмы Минина, послужившее началом нового все-народного движения, освободившего родную землю от интервентов.

МОСКВА — СЕРДЦЕ РУССКОГО НАРОДА

Впервые упоминается Мооква в летописи под 1147 г. как усадьба суздальского князя Юрпя Долгорукого.

В 1156 г. Москва — это еще небольшой город, укрепленный деревянными стенами. Она принимает участие в княжеских усобицах, поддерживает одних князей, воюет с другими, и ее голос полноправно звучит среди голосов старейших русских городов.

Расположенная среди густых лесов, прикрытая окраинными русскими землями, меньше других страдавшая от набегов татар и нападений Литвы и немцев с запада, Москва заслуженно пользовалась славой наиболее безопасного места на Руси. Вокруг Москвы густо селились бежавшие из других княжеств, в самой Москве быстро росло торговое и ремесленное население. Москва занимала центральное, важное военно-стратегическое положение. Сеть удобных для торговли речных и сухопутных путей соединяла ее с Новгородом, Литвой, Польшей (через Смоленск и Полоцк), с Востоком по Волге, с генуэзскими колониями в Крыму.

В XIV в. Москва — сравнительно большой город, центр обширного, неуклонно расширяющегося княжества с обильным ремесленным и торговым населением.

Это население, сходявшееся к Москве со всех сторон русокой земли, явилось основой ее могущества. Оно давало Москве огромные рати, оно сходилась защищать Москву от степных полчищ татар, оно собирало ее богатства, оно упорно, настойчиво, самоотверженно отстраивало ее вновь и вновь после бесчисленных пожаров и разорений, которым подвергали ее татары и иноземные рати.

В 1367 г., в начале княжения Дмитрия Донского, тревожная военная обстановка вынудила укрепить Кремль каменными стенами. Уже в следующем 1368 г. после длительных лет «тишины» под стенами города появились литовские полки, союзные врагу Москвы — тверскому князю. Литовские полки безуспешно стояли под городом три дня. Спустя два года литовцы снова явились под Москвой и снова не смогли овладеть ее каменными укреплениями.

Построение мощных каменных стен и связанная с этим двукратная неудача литовцев имели серьезное политическое значение. Они укрепили убеждение народа в том, что Москва может дать надежную защиту от врагов, что в ней надо искать твердой опоры против «томления и муки» злой татарщины. С тех пор при каждом приближении врага толпы окрестных жителей собирались в Москве, для того чтобы защищать ее и чтобы самим найти в ней защиту.

Эта народная вера в Москву уже через 12 лет привела к тому, что именно Москва явилась центром, объединившим русские силы для решительной всенародной битвы с татарами за национальную независимость.

Обеспокоенный возвышением Москвы и обозленный победой, которую одержали москвичи над татарскими войсками в 1378 г. в битве на реке Воже, татарский хан Мамай решил выступить против Москвы.

Летом 1380 г. Мамай собрал огромное войско, в которое помимо татар входили волжские болгары, буртасы и ясы (кавказские народности). Кроме того, он заключил наступательный союз с могущественным литовским князем Ягайлом. Присоединился к нему и князь Рязанский, изменивший московскому князю.

Степные полчища двинулись на Москву. Всем русским землям угрожало страшное нашествие. Но Русь была уже не той, что во времена похода Батыя. Тяжелые испытания татарского ига все более настойчиво выдвигали необходимость создания национального единства. Намечался уже центр будущего объединения русского народа — Москва и ее князь.

Под знамена московского князя Дмитрия собрались владимирцы, ростовцы, суздальцы, ярославцы, белозерцы,

муромцы, брянцы, псковичи — основные силы почти всех русских земель. Не было только изменившего князя Рязанского и новгородцев. Дмитрию удалось собрать огромную рать, в которую входили не только профессионалы-дружинники, но и ополченцы из крестьян и городских жителей. Все же его войско было значительно меньше татарского: сотысячное войско русских противостояло двухсоттысячной отлично организованной армии татар (небывало большой по тем масштабам). Дмитрий решил встретить татар возможно дальше от Москвы, чтобы защитить не только Москву, но и все население Русской земли.

Войска двинулись на юг. 8 сентября 1380 г. русская рать стала на Куликовом поле, расположенном на Дону, при впадении в него речки Непрядвы. Утро было пасмурное, густой туман расстилался на Куликовом поле. Только к полудню стало светло. Боевой порядок русского войска на Куликовом поле учитывал тактику татар. В противоположность немецкой тактика татар обычно была рассчитана на широкий охват флангов противника. Численное превосходство татар над русскими еще более увеличивало опасность этого маневра.

Дмитрий Донской расположил русские войска на позиции, замкнутой с трех сторон реками. Левое крыло русских войск опиралось на речку Смолку, а правое — на речку Нижний Дубяк. Это расположение русских войск не давало татарам возможности использовать конницу для охвата флангов и удара в тыл русскому войску. Двухсоттысячное войско татар оказалось зажатым на позиции шириной около 3 километров. По словам летописи, воины «от великие тесноты задыхався, яко не мощно бе им вместитися на поле Куликове». Благодаря этому искусному маневру русских исход боя в большей мере зависел от личного мужества ратников, чем от численности.

«Передовой полк», в котором сражался и сам Дмитрий Донской, первым принял на себя удар ринувшихся в бой татар. Превосходно вооруженная татарская наемная пехота разбила и почти целиком уничтожила небольшой полк русских.

Введя в действие новые, свежие войска, татары бросились на русский центр, смяли его, прорвались к черному великокняжескому знамени, подрубили его древко. Русским удалось, однако, сомкнуть войска. Но татары на-

правили свои усилия на левый фланг русских, стремясь захватить переправы через Дон и окружить русских. Татарская конница перешла Смолку и бросилась на «полк левой руки». «В то же время тутошныя реки мутно пошли, — говорится в поэтическом «Поведании» о Донской битве, — востренеташа лузи (луга) и болота, озера выступиша из мест своих, притопташесся холмы высокие, траву же кровию подмывало, льющеся крови аки речным быстринам на все страпы».

Часть русского войска на левом фланге оказалась перебитой, другая часть начала отступать. Татары начали обходить русский центр. Численное превосходство татар угрожало решить исход битвы.

Русские ввели в бой свежий резерв — псковские войска. Тем не менее, преследуя отступающий левый фланг русских войск, татары все более приближались к переправам через Дон. Русским угрожало полное окружение. В этот момент еще раз сказалась военная предусмотрительность Дмитрия Донского. Внезапное появление на поле битвы спрятанного в Зеленой Дубраве «западного полка» под командованием лучших русских военачальников — князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского — решило исход битвы.

Русские войска, находившиеся в засаде, ударили на татар в тот самый момент, когда они, преследуя левый фланг русских войск, миновали западной полк и повернули к нему свой тыл. Тогда «возопи Волюнец гласом великим и рече: «Князь Владимир, время прииде и час приспе!» И паке рече: «Дерзайте, братие и други!..» И выедоша из дубровы единомысленния друзи, аки соколы испущени, и ударшася на стада журавлина» («Поведание»).

Исход битвы, имевшей для русского народа большое политическое и историческое значение, был решен. Татарское войско было разбито. Русские войска одержали полную победу.

Куликовская битва возродила веру русского народа в свои силы. Победа на Куликовом поле показала, что Москва есть настоящее средоточие и сердце русской земли. Становилось ясным, что только вокруг Москвы может совершиться объединение русского народа.

Куликовская битва — это величайшее торжество русского народа — имела и печальные последствия, была

великою «жалостью земли русской». «Была на Руси радость великая, — говорит летописец, — но была и печаль большая по убитым от Мамаю на Дону; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством и от этого был страх большой по всей Земле Русской». Когда сосчитали после Куликовской битвы оставшихся в живых, то оказалось их только сорок тысяч человек. Такой дорогой ценой была куплена победа.

Это оскудение русского воинства не замедлило сказаться. В орде Мамаю сменил другой враг Руси — хан Тохтамыш.

О своем воцарении в Золотой Орде Тохтамыш известил Дмитрия Донского и других русских князей, давая этим понять, что зависимость их по отношению к Золотой Орде сохраняется. Дмитрий хотя и отпустил ордынских послев с богатыми дарами, но признавать татарскую власть более не хотел. Тохтамыш решил отомстить Руси за поражение татар и восстановить зависимость Москвы от Золотой Орды. На этот раз Дмитрию Донскому было еще труднее собрать силы для отпора врагу. Попрежнему встречал он «разньство» и «распрю» в князьях и боярах. Недостаток опытных воевод, большинство которых сложило свои головы на Куликовом поле, еще более увеличивая его затруднения.

Однако и набег Тохтамыша не походил на прежние походы татар, безбоязненно нападавших на Русь. Тохтамыш торопился, страхась, чтобы Москва вновь не успела объединить разрозненные русские силы. Он арестовал в своей столице — Сарае-Берке — всех русских купцов, чтобы весть о движении его войска не дошла до Москвы.

В прежнее время удельные московские князья, конечно, остались бы в Москве и обороняли бы только ее. Но теперь Дмитрий Донской чувствовал на себе ответственность за весь русский народ в целом. Дмитрий поехал в Кострому для сбора ратников, а его правая рука и сподвижник в Куликовской битве князь Владимир Андреевич Серпуховской направился с этой же целью к Волоку.

Когда пронеслась страшная весть о новой татарской угрозе, надвигавшейся из степи, окрестные жители бросились к Москве, рассчитывая за ее новыми каменными стенами отсиidься от врага.

Москвичи подожгли вокруг города все посады, чтобы

не дать татарам ни бревен, ни кольев для «примета», с помощью которого обычно перед приступом осаждающие заваливали ров, а затем взбирались на стены. Горожане приготовили только что введенные тогда в европейской военной технике пушки, тюфяки (большие крепостные ружья), пороки (метательные орудия), самострелы, большие камни, каменные ядра и кипяток, чтобы лить его на врагов во время приступов.

Но еще прежде, чем подошли татары, поднялась в Москве распря и великий мятеж, рассказывает летописец. Часть богатых жителей города пыталась бежать из него. Сбежался народ и с оружием в руках, с сулицами и рогатинами, не выпустил беглецов из города, стал отнимать их имущество. Захватив ворота и кидая оттуда камнями, посадские люди никого не выпускали из Москвы.

Руководство обороной Москвы принял на себя литовский князь Остей. Во времена Дмитрия Донского Литва находилась под сильным влиянием русской культуры: в нее входило очень много русских городов, ее князья были православными и говорили по-русски. С Литвой объединяла Москву в конце XIV в. и общая борьба с татарами. Остей был внуком обруселого литовского князя Ольгерда.

Остей, прекратив волнение, начал готовиться к осаде.

23 августа 1382 г. татары появились под Москвой. Трубные звуки с городских стен возвестили о приближении татар. Татарский отряд, отделившийся от остального войска, объехал кругом стен Москвы. Татары спрашивали у горожан о великом князе — в Москве ли он. Со стен ответили: «Нет его».

Многие из горожан взбирались на городские стены и по обычаям того времени перебранивались с врагом. Они кричали, что не сдадут Москву, что Москву силой не взять. «Нечего нам бояться татар, — говорили, по словам летописца, горожане, — город у нас каменный, крепкий, ворота железные. Татары долго не простоят под городом, потому что им будет двойной страх, — из города будут нас бояться, а с другой стороны — княжеского войска. Скоро татары побегут в степь».

Наутро главные силы татар подошли к городу. Полчища татар со всех сторон кинулись на приступ. Горожане отстреливались и метали в татар камни. Дождем летели та-

тарские стрелы. Многие из защитников Москвы были сбиты со стен. Приставив лестницы, татары густой толпой начали взбираться по ним вверх. Осажденные обваривали татар кипятком из котлов, стреляли, били по ним из пушек и тюфяков. Особенно отличился при этом ремесленник-сукошник Адам. Со Спасских ворот он угодил стрелю прямо в сердце одному знатному ордынскому князю, причинив этим «великую печаль» Тохтамышу и всем его князьям.

Три дня осаждали татары Москву, то отступая для отдыха, то снова штурмуя ее стены. Но взять силою Москву им не удалось. Тогда Тохтамыш пустился на хитрость. Новгородские князья Василий и Семен, добровольно явившиеся к татарам, подъехали к городским стенам и стали говорить осажденным: «Царь хочет жаловать вас, своих людей и улусников, потому что вы не виноваты; не на вас пришел царь Тохтамыш, а на князя Дмитрия; от вас же он требует только, чтобы вы встретили его с князем Остеем и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам он даст мир и любовь». Русские князья-изменники клятвенно подтвердили осажденным правдивость обещаний Тохтамыша. «Верьте нам, мы ведь ваши же православные князи» — сказали они. Князь Семен снял с себя крест и поцеловал при всех.

Москвичи простодушно поверили клятве князей и отворили ворота. Лучшие люди с князем Остеем вышли с крестами и дарами. Татары вероломно схватили и убили Остея и всех, кто вышел им навстречу. Ворвавшись в Кремль, татары стали убивать и захватывать в плен жителей, разграбили церкви, княжескую казну, имущество богатых купцов и горожан.

С особой печалью рассказывает русский летописец об уничтожении татарами книг. Книги были заботливо свезены жителями со всего города в Кремль и там сложены в храмах до самых сводов. Все это «великое множество» книг было татарами безжалостно предано огню.

Разорив Москву, Тохтамыш отправил отряды для грабежа других городов Московско-Владимирского княжества — Коломны, Переяславля и др. Узнав, однако, что Владимир Андреевич Серпуховской стоит невдалеке, у Волока Ламского, с большою силою, а Дмитрий Донской собирает полки у Костромы, Тохтамыш поторопился увести свои войска в степь. Поспешность, с которой бежал Тохта-

мыш, показала, что татары уже не решаются открыто встретиться с русскими войсками: они воровски, тайно нападают на русские земли и спешно уходят, как только захватывают добычу. Они действуют как грабители, но не как хозяева русской земли. Походы сменяются набегами. Их цель — грабеж, захват добычи.

После ухода Тохтамыша Дмитрий вернулся в Москву и стал приводить ее в порядок. Одних убитых было похоронено двадцать четыре тысячи человек. «Был дотоле Москва-град велик, град чуден, град многолюден, кипел богатством и славою, превзошел честию многую все города Русской Земли, и что же: в один или в полдня мгновенно изменилась вся доброта его, и слава его исчезла, повсюду пусто, одна горелая земля, дым и пепел, да лежат во множестве трупы мертвых».

Но мужественная оборона Москвы от Тохтамыша показала возросшую силу народа. Впервые за все время татарщины сами горожане взяли оборону города в свои руки. Сила народа сказалась и в том, что огромное разорение, которому подверглась Москва, не смогло все же подорвать значение Москвы. Народ вновь отстроил и заселил Москву, восстановил ее могущество и политическое значение.

* * *

После нашествия Тохтамыша Москва неоднократно в течение двух столетий подвергалась новым внезапным набегам татар, но всякий раз народ героически отстаивал сердце своей страны.

В 1408 г. к Москве подошли татары во главе с ханом Едигсем. На этот раз они подошли внезапно, зимою, когда обычно татары не появлялись на русской земле. Их не готовились встретить.

Окрестные жители сбегались под защиту каменных стен Москвы. Снова посадские жители сжигали свои дома, чтобы не дать татарам сделать примет к стенам Москвы. Московский великий князь Василий Дмитриевич ушел собирать войска к Костроме. Оборона Москвы была поручена славному сподвижнику Дмитрия Донского — князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Три недели стоял хан Едигей с огромным войском под стенами Москвы, но брать ее приступом не решился. Страшно опустошив окрестности, татары ушли в степь, везя награбленное

добро и ведя пленных жителей, привязанных друг к другу.

В 1439 г. снова полчища татар под предводительством ордынского хана Махмета десять дней простояли под Москвою, но взять ее не смогли и ушли в степь.

Не прошло и 6 лет, как на Москву вновь налетел степной вихрь. На этот раз (1445) осаде Москвы сопутствовали и другие бедствия.

Великий князь Василий Васильевич вышел против татар с небольшим войском, мужественно бился у Суздаля, был тяжело изранен и захвачен татарами. Татары сняли с великого князя нательные кресты и прислали их в Москву к матери его и жене как доказательства его пленения. Москвичи ожидали скорого появления татар под Москвой и осады. Но на этом не кончились несчастья москвичей. Через неделю после Суздальской битвы в Москве возник огромный пожар, уничтоживший почти весь город. Загорелось сначала в Кремле, а затем пламя перекинулось на город. Сгорели не только все деревянные постройки, но от чудовищной жары распадалась и каменная. Люди в панике не знали, куда бежать, и гибли в большом числе. Сгорели бесчисленные товары, много казны. Великая княгиня с детьми и боярами бежала в Ростов. Снова, как и при нападении Тохтамыша, горожане остались одни, и снова московский люд взял оборону в свои руки. Богатых людей, пытавшихся бежать из города, не выпускали: их хватали, били и ковали. Горожане укрепляли город, готовясь к осаде. Не в обычае русских людей было встречать врагов без боя. Но татары после битвы под Суздалем ушли к Нижнему-Новгороду. Великого князя они отпустили, взяв с него предварительно большой выкуп.

В 1451 г. татары стояли под Москвою всего один день. Страшный пожар опустошал Москву. Изнемогая от огненной истомы и дыма, москвичи на вылазках отбивали татар, одновременно готовя пушки, самострелы, щиты, луки, стрелы. К вечеру татары ушли. Народ прозвал эти набеги «скорыми татарами».

Иноземцы, наблюдавшие Русь в начале XVI в., вынесли впечатление, что для русского государства мир — случайность, а война — постоянное явление.

На всем протяжении юго-восточной границы Московского государства война не прекращалась ни на один год.

В этой постоянной борьбе ковалось чувство национального единства русского народа, складывалось русское национальное государство, закладывались основы его централизации.

И. В. Сталин указывает, что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».¹

Постоянные войны, которые приходилось вести русскому государству на северо-западных и юго-восточных границах, редко ознаменовывались открытыми большими сражениями. Военные действия имели целью защитить русские рубежи, безопасность населения; борьба шла за каждое населенное место, за каждую пядь земли, за жизнь и свободу каждого русского человека.

Кочевники выработали тактику внезапных набегов. В походе они не разводили ночью огней, крались лощинами и оврагами, рассылали во все стороны отряды разведчиков. Вооруженные саблями и ножами, на малорослых, выносливых лошадях, без обоза, питаясь в пути сырой кобылятиной, кочевники налетали на Русь внезапно, во время полевых работ, грабили и жгли все на своем пути, а население уводили в плен. Страны Средиземноморского бассейна были переполнены русскими рабами.

Общерусская политика Москвы отразилась на характере ее обороны, которая строилась как оборона всей русской земли. Вот почему Москва не только укрепляет свои городские степы, но заботится и об укреплении степных границ. Московские воеводы стремятся встретить врага как можно дальше от Москвы, налаживают постоянную разведку, перемежают оборону с наступательными действиями. Особое значение имела постройка грандиозных оборонительных линий на юге от Москвы — укрепленных городов, многочисленных сторожевых вышек, с которых караульные сигнализировали кострами о вторжении быстрой конницы степняков.

С течением времени укрепленные города соединялись между собою земляными валами со стеною-частоколом и лесными засеками. Так создавались грандиозные оборонительные линии из городов, земляных валов, деревянных

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1935, стр. 73.

стен, засек и сторожевых застав. Линии эти тянулись иногда на сотни верст и составляли, по выражению иностранных путешественников, как бы ожерелье русского государства.

Особенного успеха достигло это оборонительное строительство в конце XV и XVI вв. Южная граница охранялась от крымцев главным образом на Оке городами Перемышлем, Калугою, Тарусою, Алексиным, Каширою. Тула была передовым пунктом этой великой оборонительной линии под Москвой, не раз останавливавшей нашествия врагов. Через Тулу проходил с юга на Москву знаменитый Муравский шлях, по которому обычно весной и летом двигались на Русь войска пабежников.

Постепенно города строились все дальше и дальше в степи. Вместе с городами, под их защитой, медленно углублялось в степь мирное русское население на свои старинные, насиженные еще до нашествия татар места. Здесь оно распахивало степную целину, обстраивалось, обзаводилось хозяйством, подчиняло своему культурному влиянию постепенно оседавших кочевников. Этими оборонительными линиями Москва кусками отвоевывала землю у «дикого поля» (степи), как отвоевывают у моря пластинами участки плодородной земли. Уже при сыне Грозного Федоре Иоанновиче оборонительная линия на юге проходила через вновь отстроенные в 2—3 года города: Елец, Кромы, Ливны, Воронеж, Оскол, Курск, Белгород.

В полном соответствии с этой общей оборонительной политикой Москвы строилась и оборонительная тактика русского войска. В XVI в. каждую весну, лишь только просыхали дороги и степная граница становилась легко доступной для конных набегов, на «береговую службу» к реке Оке собирались значительные силы. Городовые дворяне и дети боярские выступали в поход «конны, людны и оружны», и все войско вытягивалось вдоль линии Оки. В случае тревожных вестей полки ставились: «большой» (центральный) — у Серпухова, «правая рука» — у Калуги, «левая рука» — у Каширы, «передовой полк» — у Коломны и «сторожевой» — у Алексина. Если тревожные вести не повторялись, эти полки стояли здесь до глубокой осени, «пока, — по выражению В. О. Ключевского, — распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов». В случае же прямой угрозы нападения эти полки в известном порядке трога-

лись с Оки и выходили к степной границе, чтобы возможно дальше от коренной русской земли охранить мирный труд ее населения.

В этой сложной системе обороны русской земли особенное значение приобретало устройство хороших дорог и быстрой ямской гоньбы. В конце XV и в XVI в. Москва славится в Европе своими поразительно быстрыми средствами сообщения. Иноземцы изумлялись удобству и скорости передвижения в русском государстве. Известный путешественник и дипломат Герберштейн рассказывает, что его слугитель проехал из Новгорода в Москву 600 верст в 72 часа, имея возможность ехать без остановки при смене лошадей. Когда он требовал 12 лошадей, ямщик приводил ему 30 и больше. В своем завещании детям Иван III особо оговаривает необходимость сохранения ям (почтовых станций, где переменили лошадей) и подвод на дорогах.

При Иване Грозном его агенты в 5 дней доставили в Москву сведения из Риги и Ревеля обо всем, что происходило у Балтики и в Западной Европе.

Но не только сведения с границ поступали в Москву по ее превосходным дорогам. По ним двигались войска, везли артиллерию и припасы. Перед Ливонской войной по дорогам к Западу были выстроены обширные постоянные дворы, где могли отдохнуть ратники, где могли отстояться лошади, где хранились запасы продовольствия, фуража и боевых припасов.

Так создавалась глубоко продуманная система народной обороны, в которой главной задачей было не только разбить врага, но и не допустить его на родную землю.

В конце XV в. Москва становится подлинной столицей складывающегося объединенного русского государства, центром русской национальной культуры. В грандиозном строительстве, развернувшемся в Москве, участвовали мастера из Пскова, Новгорода, Владимиро-Суздальского княжества. Оба прибывших в Москву итальянских архитектора — знаменитый зодчий Северной Италии Аристотель Фиоравенти и миланец Алевиз Новый — оказались в Москве под мощным влиянием русского искусства и ввели в свои постройки лишь немногие новые для Руси архитектурные приемы.

Особенное значение в культурно-объединительных тенденциях Москвы имела постройка стен и башен Москов-

ского кремля в конце XV в. на месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского. Стены были построены по последнему слову фортификационного искусства, сделавшего в XV в. большой шаг вперед в связи с развитием огнестрельного оружия. Были устроены рвы, пруды для воды, тайники, двойные и тройные стены, подъемные мосты. Вооружение состояло из многочисленной артиллерии, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие отлитой в 1488 г. «царь-пушке». В XV в. Московский кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному постройкой в 1459 г. Неудивительно, что Московский кремль стал образцом для крепостного строительства русских городов. Черты Московского кремля отразились в стенах Нижегородского кремля, в укреплениях Серпухова, Тулы, Коломны, Зарайска и многих других. Москва не только объединила в себе строительные традиции отдельных областей, но в свою очередь оказала воздействие на строительное искусство периферии.

В соответствии с новым политическим положением московского великого князя как главы объединенного русского государства выросло и значение Москвы как центра государства, его столицы. Это сказалось на всем ее облике и в первую очередь на облике Кремля, основные постройки которого — дворцы, соборы и крепость были возведены лучшими строителями тогдашней Европы — итальянцами. Москва становилась не только русским, но и европейским городом. С этим новым обликом Москвы вполне согласуется и вся политика Москвы в XVI в. при Иване Грозном, который активно участвует в делах Европы, заключает союз с Данией, Англией, претендует на престол Польши.

Вместе с тем весь облик Москвы приобретает все более и более национальный характер. В архитектуру мощно вторгаются чисто народные формы, выработанные русскими зодчими.

При Иване Грозном русские зодчие Поспых и Барма строят собор Василия Блаженного (1555—1560) на Красной площади в Москве. Собор Василия Блаженного свидетельствует о необыкновенно высоком уровне русского строительного искусства, особенно если принять во внимание, что в эпоху его создания ни на Руси, ни на Западе не были еще известны основы математического расчета

устойчивости архитектурных сооружений. Яркость, простота, живописность, общая жизнерадостность всей этой исключительной по своеобразию постройки говорят о чисто народных вкусах ее строителей.

В 1530-х гг. строятся стены Китай-города, которыми Москва окружает свои посады, охраняет ютящийся вокруг Кремля мелкий люд. При Борисе Годунове в 1586 г. сооружается еще более длинная стена — так называемый Белый («белокаменный») город вокруг расширившегося посада.

* * *

Не успели закончить Белый город, как сразу же стены его подверглись испытанию осады. В 1591 г. под Москвой внезапно появились войска крымского хана. Чтобы отогнать татар от Москвы, решено было показать им силу русской артиллерии. Было приказано стрелять из городских пушек день и ночь, не умолкая. Этот прием произвел свое действие, и татары бежали от стен Москвы. Это был последний набег татар на Москву. Так сравнительно легко, благодаря своим новым оборонительным оградкам, могла Москва обороняться от когда-то грозного врага. Но Борис Годунов не удовлетворялся этими стенами и сразу же после отступления крымского хана приступил к сооружению новой ограды, на этот раз протяжением в 14 верст. Стены эти были деревянные и защищали предместья за Москвою-рекою. Они были сооружены необычайно быстро и прозваны Скородомом.

Но вскоре Москве пришлось выдержать еще более тяжелые испытания. Снова ярко проявился патриотизм московского посадского населения, неисчерпаемая сила и мужество всего русского народа.

* * *

События, происшедшие в начале XVII в., явились величайшими испытаниями для всего русского государства. Вместе с тем они принесли Москве величайшее торжество. В это грозное время вся Русь поднялась на защиту Москвы от иноземных захватчиков. Не только население окрестных сел и посадов пришло защищать Москву от засевшего в ней врага: каждый русский город высылал народное

ополчение на ее защиту. В этом общенародном подъеме ярко сказалась роль Москвы как создательницы русского национального государства, ее значение в политическом объединении русского народа. Недаром в течение нескольких веков боевым кличем русского войска было слово «Москва».

Литовско-польское шляхетское правительство Сигизмунда III, воспользовавшись развернувшейся в Московском государстве крестьянской войной, решило использовать этот момент для реализации своих агрессивных планов против русского государства. Сначала оно попыталось использовать с этой целью выдвинутого и поддержанного польской знатью самозванца Лжедмитрия I, но потерпело неудачу. 17 мая 1606 г. Лжедмитрий I, воцарившийся в Москве, был свергнут и убит во время происшедшего в Москве противопольского народного восстания. Неудачной оказалась попытка польской шляхты использовать другого самозванца — Лжедмитрия II. Тогда Сигизмунд III начал открытую интервенцию — в сентябре 1609 г. он осадил Смоленск, но первоклассная русская крепость того времени мужественно защищалась и задержала интервентов под своими стенами более чем на полтора года. Только в июне 1611 г. и лишь вследствие измены Смоленск был взят.

В то же время отряды интервентов захватывали пограничные города, захватили Чернигов и Новгород-Северский, разоряли и грабили русскую землю. Стремясь захватить Москву, Сигизмунд III направил к ней большое войско под командованием гетмана Жолкевского. Боярское правительство, правившее в это время Москвой, боясь народного движения, решило отдать Москву Жолкевскому. Оно заключило с ним в августе 1610 г. договор, которым сын Сигизмунда III королевич Владислав избирался на московский престол, а в ночь с 20 на 21 сентября изменники-бояре впустили в Кремль польские войска Жолкевского.

Бояре предали московское население, как предали и весь русский народ.

Поляки понимали, что Москва не была ими ни покорена, ни пленена, и пытались удержать власть насилием и жестокостями. Они отстранили бояр от управления государством и захватили власть целиком в свои руки. В Москве было введено чрезвычайное положение. Жителям

запретили носить оружие, по улицам ходили патрули, окрестных крестьян в город не пускали, ночное движение было запрещено и т. д. Поляки отбирали топоры у купцов, которые выносили их для продажи, у плотников, которые шли с ними на работу. Запретили даже торговать мелкими дровами, так как их можно было разобрать на колья.

Патриарх Гермоген обратился к народу в Успенском соборе с запрещением присягать польскому королю. Авторитет церкви стоял в те времена очень высоко. Это выступление Гермогена против поляков имело огромное значение, как и грамоты, которые он рассылал по всей стране с призывом объединиться против захватчиков.

В Москве началась деятельная пропаганда против поляков. В церквях читались грамоты, на улицах Москвы разбрасывались листовки, так называемые «подметные письма». Одно из таких «подметных писем» сохранилось. Оно начинается с горячего обращения к москвичам: «Вооружимся на общих супостат наших и врагов... за свои души и за свое отечество и за достояние...» «Не давайте сами себя в руки врагом своим... дерзайте на врагов своих» — так заканчивается листовка. Из Москвы призыв к восстанию быстро распространился на другие области. Города пересылали друг другу грамоты, в которых настойчиво призывали весь парод «стояти заодно», «жить и умереть вместе».

О призывом к восстанию обращаются к москвичам и жители осажденного поляками Смоленска. Смольняне просили москвичей переписать их грамоту и разослать ее в Новгород, в Вологду, в Нижний. Москвичи и сами писали всем русским городам, призывая идти на выручку столицы. Жители Устюга писали в Пермь, в Новгород, в Холмогоры, на Вычегду, в Сольвычегодск. Нижегородцы писали вологжанам, ярославцам и т. д. Вся страна была охвачена единым патриотическим порывом. В литературе и в народных песнях широкой волной нарастает патриотическое чувство. Под гнетом военных постоев, реквизиций, грабежей и насилий страна готовилась к борьбе.

Весной 1611 г. на выручку Москвы двинулись многочисленные земские ополчения из Муром, Костромы, Суздаля, Владимира, крестьянские отряды двигались с севера, с Волги. Одними из первых выступили нижегородцы и рязанцы. К движению примкнули и остатки казачьего войска тушинского царя Лжедмитрия II.

Особенно выдвинулся как предводитель народных отрядов Прокопий Ляпунов, поднявший рязанцев и деятельно собиравший под свои знамена рассеянные по всей русской земле казачьи отряды.

В середине марта в Москве тайно собралось уже довольно много из ратных людей Ляпунова. Обеспокоенные поляки начали втаскивать пушки на кремлевские и китайгородские стены. На улицах Москвы то и дело происходили стычки, а 17 марта 1611 г. вспыхнуло стихийное восстание против поляков. Восьмитысячный отряд немцев-наемников вышел из Кремля и неожиданно попал на народ. За немцами бросились на москвичей поляки. Было перебито 7 тысяч человек. Жители Белого города ударили в набат, перегородили улицы бревнами, столами, скамейками, вооружились чем попало, кидали в поляков и немцев камнями из окон. Ратники, проникшие в столицу, разбили поляков на Сретенке и вогнали их в Китай-город, другие же поставили себе острожок (крепостцу) на Лубянке, утвердились в Яузских воротах, в Замоскворечье.

«Враги снова возвратились к бою, — рассказывает поляк Маскевич, — и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. . . каждому из нас было жарко. Мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня, огня! Жги дома!». Ветер быстро разнес огонь по всему Белому городу. На другой день поляки подожгли и Замоскворечье. «Жечь город, — говорит Маскевич, — поручено было 2000 немцев, при отряде ценных гусар наших, с двумя хоругвями (отрядами) конницы. . .; мы зажгли в разных местах деревянную стену, построенную весьма красиво из смолистого дерева и теса: она скоро занялась и обрушилась. . . Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских; а мы потихоньку подвигались за ним, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; огонь был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы тогда были безопасны: огонь охранял нас».

«В чрезвычайной тесноте людей происходило великое убийство, — рассказывает Жолкевский: — плач, крики жен-

щин и детей представляли нечто, подобное дню страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросались в огонь и много было убитых и погоревших... Таким образом, столица Московская сторела с великим кровопролитием и убийством, которые и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывавшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиной окружности своей не могут равняться сему городу». Все же пожар не прекратил боя. В течение всего дня ратники народного ополчения продолжали биться с поляками. Ожесточенно бился с врагами отряд князя Пожарского. Пожарский, получивший несколько тяжких ран, был отвезен в Троицкий монастырь.

На следующий день «мы снова принялись жечь город, — пишет Маскевич, — коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в этом случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. Итак мы снова запалили ее... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора».

Оставшиеся в живых москвичи припуждены были в жестокий мороз ночевать под открытым небом. Многие разбрелись по окрестностям в поисках пищи и крова. Утром к москвичам подошла помощь: казачий атаман Просовецкий с 15 тысячами человек. Просовецкий шел с «гуляй-городом», т. е. с подвижною оградой, представляющей из себя большое число огромных саней, на которых стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельбы из самопалов. При каждах санях находилось по 10 стрельцов. Стрельцы двигали сани и, останавливаясь, стреляли из-за них, как из-за стены. Окружив врагов со всех сторон, эта подвижная ограда препятствовала польским копейщикам добраться до русских.

Поляки выслали против казаков Просовецкого конный отряд, но после удачных маневров русских отряд отошел назад. Поляки несколько раз спешивались, но и пешими они не могли одолеть этих подвижных укреплений, медленно, но настойчиво оттеснявших их назад.

Просовецкий стал дожидаться подхода остального русского ополчения. Через три дня под Москвою было уже

до 100 тысяч ратников, расположившихся «таборами» на развалинах города.

Несколько дней бились русские с поляками, пока не загнали их в Китай-город и Кремль. 6 апреля на рассвете русские заняли большую часть Белого города, оставив в руках поляков только несколько башен на его западной стороне. Русские овладели также и Новодевичьим монастырем, в котором засели немцы. Затем русские приступили к осаде. «Рыцарству на Москве теснота великая, сидят в Китае и Кремле в осаде, — писали поляки в июне, — ворота все поотняты, пить, есть нечего».

Но первое ополчение было очень непрочное, ибо в его состав входили главным образом две классово враждебные группы — дворянство и казачество. Возглавлявшие его Ляпунов, князь Трубецкой и казачий атаман Заруцкий враждовали между собой. Отношения между дворянами, стремившимися восстановить крепостнические отношения, и казаками, среди которых было значительное число восставших крестьян, все более обострялись. Кроме того, связанный с поляками Заруцкий сознательно вносил разложение в ополчение. Попытка дворянского ополчения Ляпунова выработать программу действий, в которой интересы казачества не были соблюдены, привела к открытому конфликту.

Казаки заманили Ляпунова в свой «круг» и убили. Начались стычки между казаками и служилыми людьми. Земское ополчение распадалось и расходилось по городам.

К этой беде присоединились и другие. Поляки заняли Смоленск, в Москве они захватили и бросили в тюрьму патриарха Гермогена, поддерживавшего своим авторитетом главы церкви народное движение против иноземного врага.

Шведские интервенты захватили Новгород и вслед затем заняли почти всю северо-восточную область русского государства.

В Пскове объявился самозванец Сидорка, в Астрахани — еще один Лжедмитрий, которого признало почти все Нижнее Поволжье. Наступила пора «лихолетья»...

Отряды поляков, шведов, казаков, полковника Лисовского, всякого рода самозванцев хозяйничали по всей стране. Казалось, страну должна постичь неминуемая гибель, но и в этот тяжелый момент русский народ нашел в себе силы, чтобы отстоять свое право на существование,

отстоять свое государство, свою родную землю. Могучее движение народа выдвинуло из его среды вождей, возглавивших великое и благородное дело борьбы за государственную и национальную самостоятельность русского народа.

Первый шаг к новому движению на защиту Москвы был сделан в Нижнем-Новгороде. Около 1 сентября 1611 г. в число земских старост Нижнего был избран Кузьма Минин. Это был горячий патриот и превосходный оратор. Его призыв о необходимости бороться с врагом встретил живой отклик у нижегородцев и в земской избе, где нес свою службу Минин; посадские люди написали «приговор» об особом сборе на ратных людей. «Захотим помочь Московскому государству, — говорил Минин, — так не жалеть нам имущества своего, продадим дворы свои; заложим жен и детей».

Всем городом решили собрать казну и строить рать, чтобы ополчиться «за Московское государство на разорителей польских и литовских людей». Минину был поручен сбор пожертвований. Воеводою пригласили князя Пожарского, лечившегося недалеко от Нижнего от ран, полученных им в бою с поляками в Москве весной 1611 г. Собранные средства дали возможность собрать и вооружить значительный отряд ополченцев. К Нижнему присоединились Балахна, Гороховец, затем Казань, Вологда, Ярославль, в него начали сходиться рати из других городов: из Коломны, из Рязани и других городов. Шли выборные люди на совет, слали казну. Необычайно быстро движение, поднятое Мининым, распространилось по всей стране: посадские мужики, служилые люди, крестьяне — все были охвачены единым порывом к продолжению борьбы с врагами.

Призыв Минина нашел отклик в народном творчестве. Минин в песне обращается к нижегородцам:

Ой, вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы,
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен и детей. . .
Пойдем-ко мы сражаться
За матушку за родну землю.
За родну землю, за славный город Москву:
Уж наполнили-то Москву проклятые народы, поляки злы. . .

Весной 1612 г. ополчение Минина и Пожарского перешло из Нижнего в Ярославль, и там продолжали сбор рати и пожертвований. Вскоре весь северный край был очищен от отрядов интервентов и «воровских» людей. Дворяне, посадские люди, крестьяне, стрельцы, казаки, русские и марийцы, чуваши и татары под неутомимым предводительством Минина и Пожарского постепенно превращались в сильное, многочисленное, хорошо организованное войско. Население с восторгом встречало ополченцев и само расправлялось с шайками врагов, рыскавших по всей стране.

В августе 1612 г. ополчение подошло к Москве, где казаки Трубецкого все еще продолжали осаждать засевших в Кремле поляков.

Одновременно с движением к Москве второго народного ополчения на выручку осажденным в ней полякам спешило и войско литовского гетмана Ходкевича. 22 августа 1612 г. под Москвой началась битва с польскими войсками. Положение русского ополчения осложнялось несогласием, которое возникло у него с осаждавшими Кремль казаками Трубецкого. Ходкевич, перейдя через Москву-реку, напал на русских, преградивших ему дорогу. Одновременно и польский гарнизон, засевший в Кремле, предпринял оттуда отчаянную вылазку.

В этот трудный для ополчения момент часть казаков Трубецкого кинулась ему на выручку. Ходкевич вынужден был отступить.

Через день Ходкевич начал наступление через Замоскворечье. Но Пожарский встретил его и там. С рассветом 24 августа начался бой. Исход битвы решил Минин с четырьмя сотнями конницы, переправившийся через Москву-реку и стремительно ударивший на поляков. Войско Ходкевича было разбито и бежало. Больше попыток помочь осажденным оно уже не предпринимало.

22 октября 1612 г. ополчение взяло Китай-город, а еще через несколько дней сдались поляки, выдержавшие в Кремле полуторагодовую осаду.

Освобождение Москвы было встречено всем русским народом как величайшее торжество.

* * *

Во второй половине XVII в. Москва переживала бурный расцвет. Она поражала приезжих иностранцев своей величиной, необычайной цестротой и жизнерадостной

яркостью построек. Они единогласно свидетельствуют о стихийной, могучей красоте Москвы. Каменные палаты чередовались с пышными деревянными хоромами, в возведении которых русские плотники не знали себе равных по мастерству в Европе.

Строилась Москва широко. Москвичи обносили свои здания дворами, хозяйственными пристройками, фруктовыми садами.

Жизнерадостная яркость и пестрота Москвы повторялись отражением в извилистой Москве-реке, усиливаясь холмистостью местности, на которой она была раскинута. И надо всей Москвой горделиво возвышался грандиозный Кремль, овеянный героическими воспоминаниями славного прошлого.

Несмотря на постоянные войны, приносившие с собою разорение и гибель тысяч людей, несмотря на тяжелый, изнурительный труд, упорно отстраивал русский народ Москву. Заботливо, напряженно свивал он это гнездо своего единения. И чем больше Москва занимала места в народной жизни, тем более самоотверженно отстаивал ее народ от всех вражеских нападений. Войны, пожары, моровые поветрия разоряли веками создававшийся город, разносили по ветру пепел накопленных упорным трудом богатств. Но из пожарищ и разрушений снова и снова вставала Москва, каждый раз шире, богаче и прекраснее прежней, ибо любовь к родному городу, глубокая вера в свои силы рождали в русском народе уверенность в большом и жизненно крепком будущем.

НАКОНЕЦ ЯВИЛСЯ ПЕТР

«Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы», — писал А. С. Пушкин.¹

В 1703 г. на берегах Невы, где неоднократно русские войска разбивали полчища врагов — Биргера, Туркеля Кнутсона, короля Магнуса, — где «крепко мужествовал» за Русь со своими ратниками Александр Невский, возникла новая столица Руси — Санкт-Питер-бурх; Питер, как называли ее рабочие. В том же году на острове Котлине, где когда-то новгородские лоцманы встречали караваны судов иностранцев, Петр закладывает крепость Кроншлот. «Оборону флота и сего места иметь до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело» — этим наставлением Петр напутствовал основание крепости, которая явилась крепким замком, запиравшим молодую столицу от вторжений с Запада.

Здесь, над оживленными берегами Невы, быстро вырастают величавые громады дворцов, прекрасные здания и памятники, воздвигаемые лучшими архитекторами Европы: Растрелли, Фельтеном, Кваренги, Тома-де-Томоном, Росси. Здесь строят гениальные русские зодчие: Баженов, Захаров, Воронихин. Им обязан город своим стройным и строгим видом, своими искусно разбитыми садами, чугуновым узором своих оград. Гордость Ленинграда — его гранитные набережные представляют собой как бы мощ-

¹ В статье «О ничтожестве литературы русской».

ный пьедестал, поддерживающий ансамбль величественно поднимающихся дворцов.

Великая Октябрьская социалистическая революция еще выше подняла значение Ленинграда в жизни страны, еще пышнее и наряднее стали его улицы и площади. Исчезли мрачные трущобы, в которых прежде ютился рабочий люд, стерлось различие между убожеством окраин и великолепием и роскошью центральных районов города. В социалистических условиях единым планом строительства охватывается весь город. Ленинград воплощает в себе подлинную связь лучшего, что было в прошлом, с социалистическим настоящим.

«Петербург —

Петроград —

Ленинград —

Это слово как гром и как град».

(Маяковский.)

Ленинградские библиотеки, научные учреждения, музеи, театры хранят и развивают лучшие традиции его великого культурного наследия. Ленинград — это город Ломоносова, Державина, Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого; это город Глинки, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова и Репина.

Ленинград — это город славных революционных традиций; это колыбель Великой Октябрьской социалистической революции; это город Ленина и Сталина, город, навеки связанный с именем пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова.

Город Ленина не забывает и славных традиций военного прошлого древней Руси.

Его сыны обороняют свой город еще более стойко, мужественно, самоотверженно, чем это делали героические люди древней Руси, умело отражавшие врага в случаях осады, разбивавшие его и никогда не склонявшиеся перед врагом.

Беспрдельна любовь народа к своей могучей родине; беспрдельна его ненависть ко иноземным захватчикам, осмелившимся вступить на его землю. Гитлеровские мерзавцы, посягнувшие на свободу, независимость и счастье великой советской земли и ее народов, будут разбиты и уничтожены. Доблестные защитники Ленинграда — воины

Красной Армии и мужественные сыны и дочери великого города Ленина не допустят наглых захватчиков в свой город, не дадут осквернить его священную почву, омытую кровью лучших сынов великого советского народа. Враг будет разбит. Счастливое солнце Сталинской Конституции будет попрежнему ярко сиять над освобожденной советской страной, неся свободу и счастье всему человечеству.